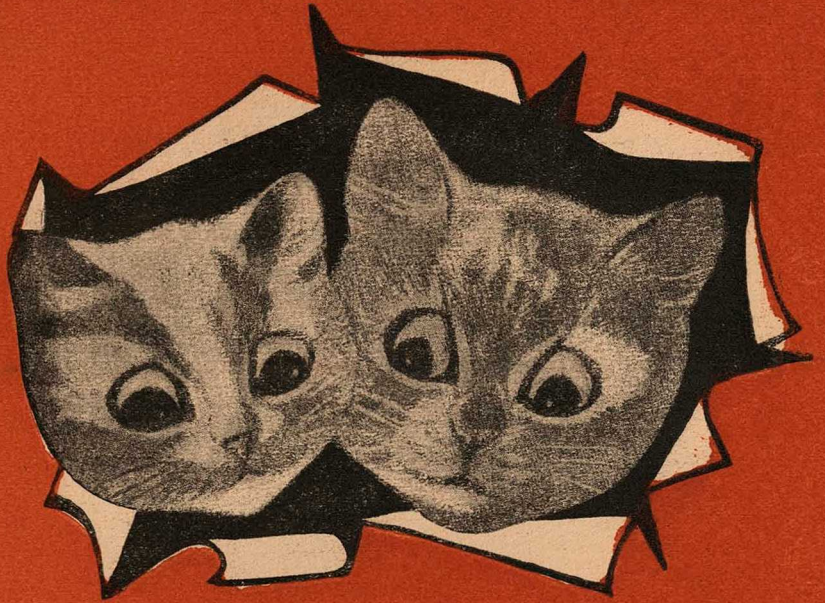

Годъ изданія четвертый.

ФЕВРАЛЬ

№ 8.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

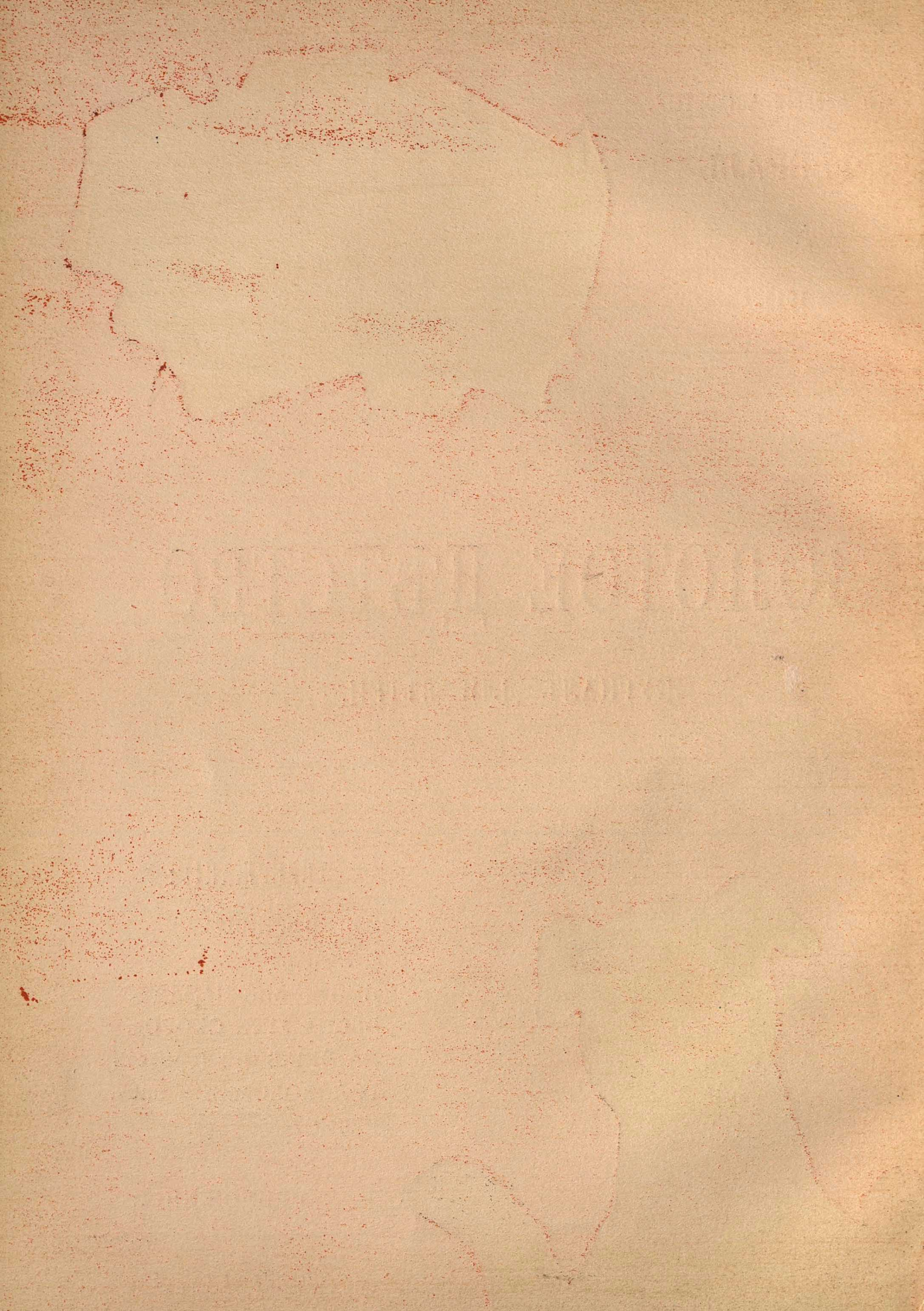
ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.
Я ЖДУ...
ПОЛЪ-ВѢКА НАЗАДЪ.
ВЕСНА УЖЪ СКОРО!..
НА ЧУЖБИНѢ (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Желѣзнодорожный носильщикъ—
для склеиванія.

„Въ тепломъ гнѣздышкѣ“—
листь 5-й.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Двойной испугъ.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

Игравшая цѣлый день музыка смолкла, огни погасли и по ту сторону дверей, съ улицы, донесся звукъ щелкнувшаго замка. Звѣринецъ опустѣлъ. Уставшіе звѣри, съ тяжелыми головами отъ цѣлодневныхъ надожданій зрителей и отъ громкихъ взвизгиваній оркестра, расположились въ своихъ клѣткахъ на ночлегъ. Въ непроглядной темнотѣ только свѣтились иногда глаза тигра и львовъ, да раздавались тяжкіе глубокіе вздохи слона.

— Что ты все такъ глубоко вздыхаешь? обратился къ нему наконецъ стоявшій по сосѣдству верблюдъ. — Ты мѣшаешь мнѣ спать!

Слонъ вздохнулъ еще разъ и отвѣтилъ:

— Вспомнилъ о родинѣ... Захотѣлось къ себѣ... У меня зябнуть здѣсь ноги и я не знаю, чѣмъ ихъ согрѣть. У меня на родинѣ не такъ холодно, какъ здѣсь.

— А ты гдѣ родился? спросилъ его верблюдъ.

— Но вѣдь ты хочешь спать!.. Если-бы ты такъ-же страдалъ бессонницей, какъ и я, то я могъ-бы тебѣ кое-что рассказать.

Верблюдъ поднялся на ноги и поближе подошелъ къ слону.

— Вѣроятно, и я не засну! отвѣтилъ онъ. — Отъ музыки у меня болитъ голова... Кромѣ

того, я до сихъ поръ еще никакъ не могу привыкнутьъ къ тому, что такъ близко отъ меня сидятъ волки и тигръ, которыхъ я боюсь, и потому я всякій разъ дрожу. Расскажи мнѣ что-нибудь!.. Ты, кажется, единственный здѣсь звѣрь, который не внушаетъ мнѣ страха и съ которымъ я могу говорить...

Слонъ сгрѣбъ хоботомъ солому въ кучу, хотѣлъ на нее лечь, но раздумалъ.

— Я родился на далекомъ Цейлонѣ, началъ онъ. — Лучше этого острова нѣтъ на всемъ свѣтѣ ни одного. На немъ никогда не бываетъ зимы и растительность тамъ такая, о какой даже люди не смѣютъ мечтать. Тропическіе лѣса съ удивительными деревьями тянутся тамъ на цѣлыя версты, съ вѣтки на вѣтку перелетаютъ тамъ зеленые и красные попугаи и повсюду прыгаютъ веселыя обезьяны. Сочные плоды свѣшиваются тамъ съ вѣтвей и стоитъ только поднять кверху хоботъ, чтобы сорвать ихъ и съѣсть. Когда взберешься, бывало, на высокія горы, заходящія за облака, то совсѣхъ сторонъ виденъ бываетъ безбрежный Индійскій океанъ, а вдаль на сѣверѣ синѣютъ берега Индостана.

Я былъ первымъ ребенкомъ у моей матери. Я родился у нея тогда, когда ей было всего только

18 лѣтъ. Съ перваго-же момента моего появленія на свѣтъ я уже прочно всталъ на ноги и уже въ первый день могъ свободно идти за своей матерью, куда она хотѣла. Мы — слонята не таковы, какъ, лошади и вы. У васъ верблюденоезды бѣгутъ за своею матерью сзади или сбоку ея, мы-же всегда бѣгаемъ подъ брюхомъ у нашей матери, и если идетъ она, то идемъ и мы, если бѣжитъ она, — то бѣжимъ и мы. Иногда случается, что мать больно отдавликаетъ намъ пятки, но это ничего, это скоро проходитъ. Я сосалъ свою мать ровно полгода, затѣмъ сталъ прикармливаться травкой, все еще не бросая ея сосковъ, а къ концу перваго года окончательно перешелъ на траву.

Подъ наблюдениемъ родителей мы растемъ цѣлые шесть лѣтъ и строго придерживаемся семейственнаго начала: мы ходимъ только семействами, а не стадами, такъ что если кто-нибудь увидѣлъ-бы насъ много, то это значило-бы, что все это одна семья.

Я горячо любилъ свою мать. Она меня тоже баловала. Баловала меня и бабушка. Наша семья состояла изъ шестнадцати слоновъ и всѣ меня, какъ самаго младшаго, любили. Для меня срывались самыя вкусныя и сочныя плоды, бабушка нащипывала мнѣ своимъ хоботомъ такой вкусной травки, какой я съ тѣхъ поръ не ѣлъ ни-

когда, и клала мнѣ въ ротъ кедровыя орѣшки.

— Развѣ такимъ неуклюжимъ хоботомъ можно поднять съ полу орѣшекъ! недовѣрчиво спросилъ верблюдъ.

— О, ты не знаешь устройства нашего хобота! продолжалъ слонъ. — Онъ такъ нѣженъ, такъ чувствителенъ, какъ у человѣка языкъ. Этимъ отросткомъ на концѣ хобота мы осязаемъ даже самыя мельчайшія вещи гораздо лучше, чѣмъ слѣпой человѣкъ это дѣлаетъ своими пальцами. Внутри нашъ хоботъ состоитъ изъ двухъ трубъ, черезъ которыя мы нюхаемъ и въ которыя набираемъ воды, когда захотимъ пить. Наше обоняніе таково, что мы чувствуемъ приближеніе врага за полъ версты. Но чтобы ты имѣлъ понятіе, на какую тонкую работу бываетъ способенъ нашъ хоботъ, я расскажу тебѣ сейчасъ два случая, которые были однажды со мной. Попавшись къ людямъ, я долженъ былъ исполнять на нихъ всякія работы и перевозить тяжести. Мой проводникъ былъ человѣкъ больной, часто кашлялъ и принималъ какія-то пилюли. Однажды неосторожнымъ движениемъ хобота я выбилъ у него изъ рукъ коробочку съ пилюлями въ то время, когда онъ готовился ихъ принимать, и всѣ они рассыпались по густой травѣ. Я видѣлъ, какимъ горемъ исказилось вдругъ лицо моего провод-

ника, и мнѣ стало его жаль. Я поднялъ съ земли коробочку и вотъ этимъ самымъ моимъ хоботомъ подобралъ въ травѣ всѣ до единой пилюли, сложилъ ихъ въ коробочку и, какъ ни въ чемъ не бывало, сунулъ ему ее въ жилетный карманъ. Въ другой разъ, когда я былъ уже въ этомъ самомъ звѣринцѣ, ко мнѣ подошелъ какой-то мастеровой и, желая посмѣяться надо мной, закаталъ въ хлѣбъ иголку и далъ мнѣ ее съѣсть. Ничего не подозрѣвая, я взялъ отъ него хоботомъ этотъ хлѣбъ и понесъ его къ себѣ въ ротъ. Почувствовавъ вдругъ на языкѣ боль, я выплюнулъ иголку на полъ и видѣлъ, какъ она сверкнула въ соломѣ и смѣшалась подъ ней съ пескомъ. Тогда, чтобы наказать этого негодяя, я розыскалъ хоботомъ эту иголку въ песокъ и, улучивъ моментъ, такъ укололъ ею въ спину мастерового, что онъ подпрыгнулъ чуть не до потолка. Но буду продолжать о моемъ дѣтствѣ.

Мы переходили на островъ Цейлонъ съ мѣста на мѣсто по мѣрѣ того, какъ уменьшался нашъ кормъ. Конечно, на вѣтвяхъ деревьевъ оставалось еще много плодовъ, но мы уже не могли ихъ достать, и должны были переходить туда, гдѣ они росли пониже. Часто, завидѣвъ насъ, обезьяны поднимали въ вершинахъ деревьевъ цѣлые скандалы и бросали въ насъ апель-

синами, лимонами и бананами. Пробираясь черезъ лѣсъ, мы всегда шествовали въ стройномъ порядкѣ: впереди шелъ мой дѣдушка и, какъ старшій въ нашей семьѣ, служилъ намъ вожакомъ. Онъ вырывалъ съ корнемъ попадавшіяся ему на пути молодья деревья, отбрасывалъ ихъ въ стороны, ему помогали въ этомъ мои дяди и тетки, такъ что я и мать шли уже по гладкой, проторенной и умятой могучими слоновыми ногами, дорогѣ, по которой впоследствии могли-бы проѣхать даже автомобили. Вообще когда мы куда нибудь идемъ, то позади насъ всегда остается хорошая дорога. Мы помогаемъ въ этомъ людямъ. Когда мы прокладываемъ себѣ такую дорогу, то обыкновенно поднимаемъ такой шумъ и трескъ, что попугаи цѣлыми стаями слетаютъ въ страхъ съ деревьевъ и кружатся по стонамъ.

— Тебѣ сейчасъ придется потрудиться, сказала мнѣ однажды моя мать. — Вся наша семья пойдетъ сейчасъ на озеро купаться, а оно лежитъ внизу, у подножія горъ. Намъ придется спускаться съ крутизны.

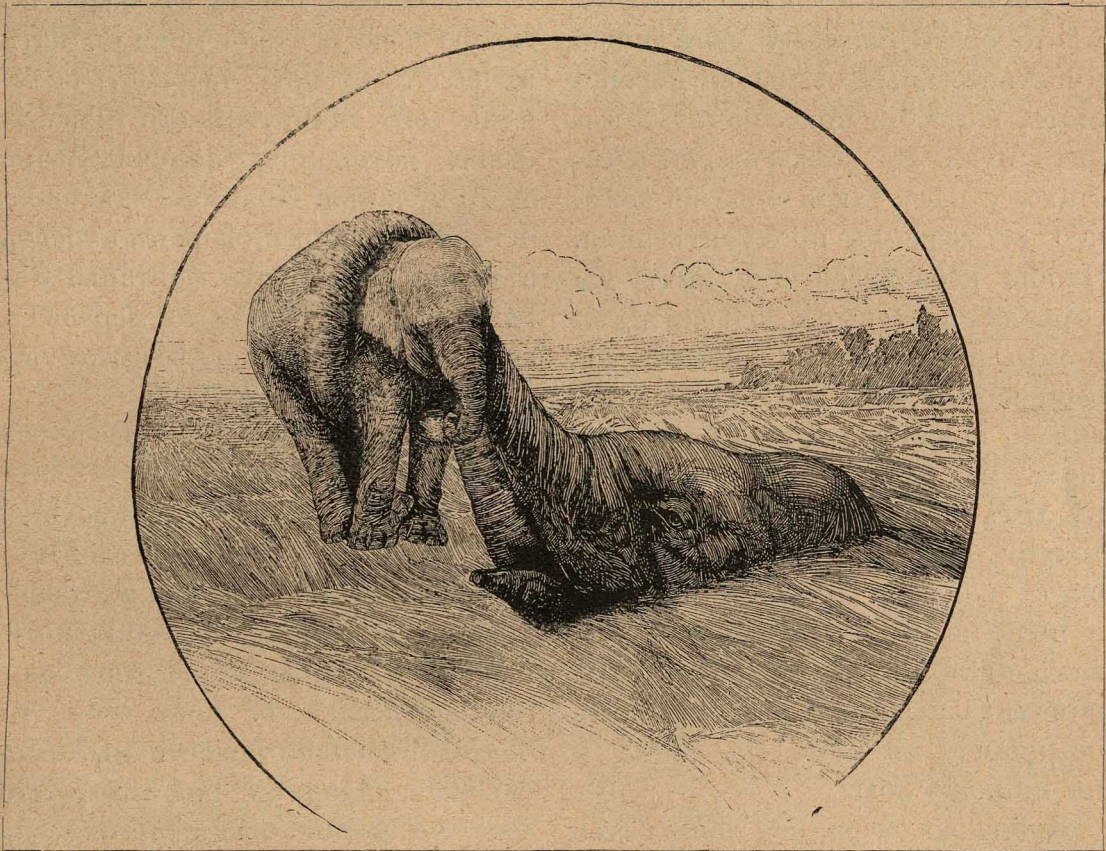
И дѣйствительно, нашъ вожакъ подвелъ насъ къ самому краю горы. Я взглянулъ внизъ и у меня закружилась голова. Подъ нами спускалась почти отвѣсно гора, внизу, у ея подошвы сверкало бирюзовое озеро и вокругъ него росли

очаровательныя тропическія деревья.

— Какъ-же мы будемъ спускаться? въ страхѣ и въ удивленіи спросилъ я у матери.

— А вотъ гляди, что будетъ сейчасъ дѣлать твой дѣдушка,

же способомъ оба мои дяди, потомъ тети и наконецъ я съ матерью. Одинъ разъ я потерялъ равновѣсіе и покатился внизъ уже какъ мячъ, но къ счастью меня удержалъ своимъ хоботомъ дѣдушка, который въ это время на-

Она вошла въ озеро по самую шею и стала меня окунать въ воду.

отвѣтила мнѣ мать,—и старайся ему во всемъ подражать.

Дойдя до края стремнины, мой дѣдушка легъ на брюхо, протянулъ впередъ переднія ноги и вытянулъ назадъ заднія и сталъ медленно спускаться на животъ внизъ. За нимъ послѣдовали точно такимъ-

ходилъ уже далеко внизу. Говорятъ, что многіе слоны, спускаясь съ горъ, часто катятся внизъ, какъ мячи, и разбиваются на смерть. Все зависитъ отъ умѣнія вожака найти удобное мѣсто для такого спуска.

Мы пришли къ озеру въ самый

полдень, когда была неумолимая жара и когда мы были всѣ въ изнеможеніи отъ только что перенесеннаго путешествія на животахъ. Насъ положительно со всѣхъ сторонъ облѣпили мухи, которыя жалили насъ и назойливо лѣзли намъ къ хоботу и въ глаза. Хоботь и мѣсто около глазъ—у насъ самыя чувствительныя и мы не переносимъ, когда въ нихъ начнутъ жалить мухи. На всѣхъ прочихъ мѣстахъ у насъ такая толстая кожа, что ее даже не прокусить змѣя. Чтобы избавиться отъ нихъ, мы сорвали съ деревьевъ большія вѣтки и такъ и шли дальше, обмахиваясь ими, какъ вѣрами. Это было красивое зрѣлище. Впереди всѣхъ шель мой дѣдушка, чуть не съ цѣлымъ деревомъ въ хоботѣ, которымъ онъ помахивалъ туда и сюда, а позади плелась моя мать и подъ нею я—съ маленькими вѣтками цвѣтущихъ померанцевъ. Мы обмахивались ими и цвѣты съ нихъ осыпались къ намъ на спины и на широкіе лбы.

Дойдя до озера, вся наша семья вошла въ него по шею и стала купаться въ его струяхъ.

— Подожди на берегу, сказала мнѣ мать.

Я стоялъ и съ завистью глядѣлъ, какъ купались наши слоны. Они плавали, ныряли, брали хоботами воду и пускали на себя цѣлые фонтаны, или-же, высоко поднявъ хоботы къ верху, ложились на дно,

такъ что на поверхности озера видны были одни только кончики хоботовъ, черезъ которые они дышали. Наигравшись достаточно въ водѣ, моя мать вылѣзла на берегъ, обхватила меня хоботомъ вокругъ тѣла и снова вошла въ воду уже со мною. Она вошла въ озеро по самую шею и стала меня окунать въ воду. Не могу выразить словами того удивительнаго удовольствія, которое я получилъ отъ этого купанья. Подплылъ дѣдушка и сталъ со всѣхъ сторонъ пускать въ меня изъ хобота фонтаны. Затѣмъ мы всѣ вышли на берегъ и долго лежали на пескѣ, вытянувъ заднія ноги назадъ.

— То-есть какъ это „назадъ“? спросилъ верблюдъ.

— Мы—единственныя животныя во всѣмъ свѣтѣ, отвѣтилъ слонъ,—которыя, ложась на землю, своеобразно вытягиваютъ заднія ноги назадъ. Если-бы мы вытягивали ихъ впередъ, т. е. подъ себя, то благодаря нашей тяжести, мы такъ-бы наваливались на нихъ, что уже не могли бы подняться на нихъ съ земли и такъ-бы и оставались лежать на нихъ всегда. Но ты слушай меня и не перебивай. Когда мы такъ лежали на берегу, мой дѣдушка вдругъ издалъ черезъ хоботь короткій, рѣзкій трубный звукъ. Это означало испугъ. Мы всѣ вскочили на ноги.

— Тамъ, должно быть, человѣкъ! сказалъ онъ и указалъ движе-

ніемъ уха въ сторону пальмоваго лѣса.

— Гдѣ? Гдѣ? спросили мы всѣ.

— Развѣ я могу точно указать вамъ, гдѣ именно? отвѣтилъ дѣдушка.—Если-бы у насъ были хорошіе глаза, то я увидѣлъ-бы все сейчасъ. Но зрѣніе у насъ, слоновъ, плохое и потому мы чуемъ все только обоняніемъ и слухомъ. Я слышу, что тамъ шевѣлится именно человѣкъ, и слышу его запахъ! Бѣжимте скорѣе отсюда прочь!

Мы вытянулись въ линію по старшинству лѣтъ и помчались черезъ лѣсъ, куда глядѣли наши глаза. Ужасъ обуялъ всей нашей семьей. Впереди бѣжалъ дѣдушка, за нимъ дяди и тетки, а позади всѣхъ—моя мать и я. Мы бѣжали такъ часа два или три, сами не зная, куда, и намъ было стыдно, что мы, такія громадныя, сильныя животныя были такъ трусливы.

Вечеромъ мы остановились на ночлегъ въ довольно пустынномъ мѣстѣ, голомъ и каменистомъ, какихъ я не видалъ еще никогда. Я все еще былъ напуганъ и, забившись матери подъ брюхо, никакъ не могъ уснуть. Настала ночь. Я видѣлъ, что не могла уснуть отъ страха и моя мать. Кругомъ слышны были какіе-то странные голоса и шипѣнье.

— Это ревутъ леопарды и тигры, сказала моя мать,—а шипятъ ядовитыя змѣи. Намъ не страшны змѣи, но леопардовъ я боюсь.

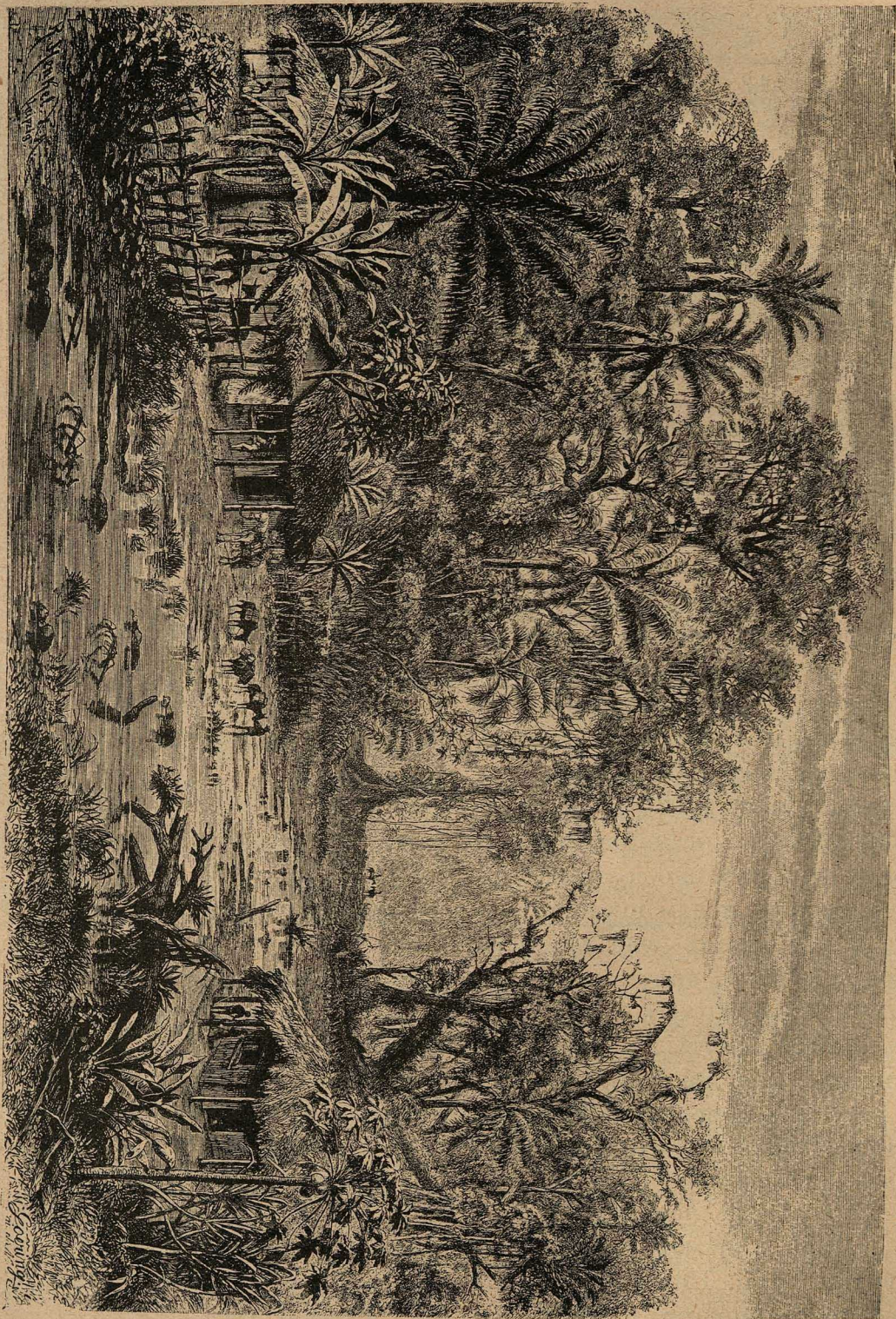
Блестали звѣзды на небѣ, а въ это время невдалекѣ отъ насъ мелькали зеленоватые огоньки: это были глаза леопарда, подбирававшегося къ нашему стаду.

— Если онъ схватитъ тебя за хоботъ и оторветъ его, сказала мнѣ мать,—то ты на всю жизнь погибъ. Безъ хобота слонъ—ничто, потому что ему нечѣмъ безъ него ѣсть и пить и онъ погибаетъ отъ голода и жажды. Поэтому—берегись!

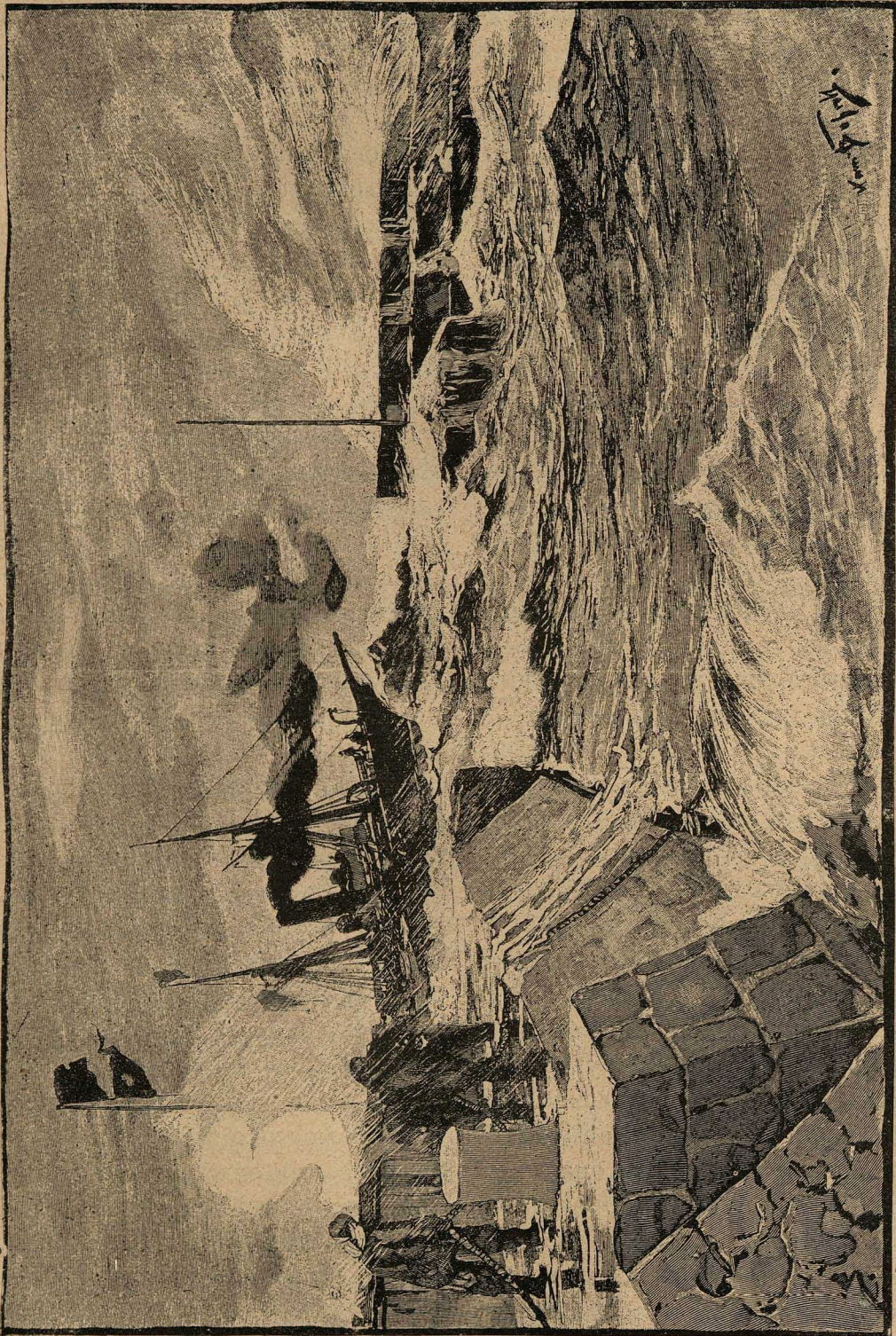
Но въ это время зеленые глаза леопарда засвѣтились ярче, изъ-за скалы выскочилъ громадный леопардъ и бросился съ яростью на мою мать. Но въ это время къ ней подбѣжалъ мой дѣдъ, онъ схватилъ леопарда хоботомъ поперекъ его тѣла, бросилъ его на землю и закололъ его тутъ-же своими клыками. Затѣмъ вся наша семья въ ужасѣ помчалась въ разныя стороны. Я бѣжалъ съ матерью, но уже не подъ ней, а сбоку ея, мы отбились отъ нашего вожака и теперь не знали, что намъ дѣлать и куда направить свой путь.

— Теперь мы погибли! говорила мнѣ моя мать.—Если намъ не удастся найти нашихъ родныхъ, то намъ не выбраться изъ этой дикой страны. Побѣжимъ, насколько хватить нашихъ силъ!

И мы все бѣжали и бѣжали, сами не зная куда, и вступили наконецъ въ какой-то громадный незнакомый лѣсъ.

Дропический лвъ въ Бразиліи.

Морской прибой.

Свѣтало. Звѣзды меркли на блѣднѣвшемъ небѣ и въ лѣсу стала пробуждаться жизнь. Залетали попугаи, заскандалили обезьяны на вершинахъ деревьевъ и закричали птицы. Мнѣ и матери очень хотѣлось пить и мы брели усталыя по лѣсу, и то и дѣло вытягивали впередъ хоботы, чтобы почуять ими воду. Какъ вдругъ случилось нѣчто ужасное и неожиданное. Земля подо мной поколебалась, трава и хворостъ провалились подъ моими ногами и я всею своею тяжестью провалился въ глубокую яму.

— Куда ты? Куда ты? закричала мнѣ мать и хотѣла меня поддержать, но было уже поздно.

Я лежалъ уже въ ямѣ на днѣ. Это былъ конецъ моей свободѣ.

— Что-же это была за яма? спросилъ у слона верблюдъ.

— Эту яму выкопалъ въ лѣсу нарочно человекъ, продолжалъ слонъ,—чтобы въ нее попался кто-нибудь изъ насъ. Онъ укрылъ ее сверху хворостомъ и травой, такъ что совсѣмъ было незамѣтно, и вотъ я ступилъ на то мѣсто и провалился внизъ. Вокругъ ямы бѣгала въ тревогѣ моя несчастная мать, но она уже не могла сдѣлать ничего. Бѣдняжка, она срывала хоботомъ траву и бросала ее мнѣ въ яму, чтобы я былъ сытъ, она гдѣ-то достала воды, принесла ее полный хоботъ и перелила ее въ мой ротъ, она бросала мнѣ въ

яму цѣлые стволы деревьевъ, чтобы я могъ выбраться по нимъ наверхъ, но все было напрасно. Черезъ двое сутокъ къ ямѣ пришли люди, они связали у моей матери ноги, чему она вовсе даже и не сопротивлялась, и увели ее куда-то далеко, а меня на ремняхъ вытящили изъ ямы наверхъ.

— Хорошій будетъ слонъ! говорили они про меня.— Онъ будетъ стоять тысячу пиастровъ!

Они связали ноги и мнѣ и повели меня за собой. Я видѣлъ вдаль мою мать, она оглядывалась на меня, протягивала ко мнѣ свой хоботъ, точно старалась мнѣ что-то сказать, а я звалъ ее къ себѣ и горько плакалъ. Но люди разлучили насъ навсегда и съ тѣхъ поръ я больше уже никогда ее не видалъ.

Меня привели въ большое селеніе, находившееся на самомъ берегу океана, и тотчасъ-же стали приучать меня исполнять разныя работы. Мы, слоны,—кроткія и терпѣливыя животныя и потому я безъ всякихъ возраженій исполнял то, что отъ меня требовали.

Первой моей отвѣтственной работой было ухаживаніе за ребенкомъ. У моего хозяина была дочь—дѣвочка, прелестное черномазенькое дитя около двухъ лѣтъ. Звали ее Нура. Она бѣгала по всему селенію одна и я всюду долженъ былъ слѣдовать за нею и слѣдить, чтобы она не упала въ воду или

не свалилась съ высокаго берега внизъ на камни. И все это я исполнялъ съ усердіемъ самой лучшей няньки. Однажды ея отецъ пріѣхалъ изъ города и привезъ ей отличную англійскую коляску на рессорахъ, въ которой обыкновенно и здѣсь катаютъ няньки своихъ дѣтей по бульвару. Для меня это было цѣлымъ торжествомъ. Я бралъ дѣвочку въ хоботъ, усаживалъ ее въ коляску и каждый день каталъ ее по селенію вдоль морского берега.

— А славная у Джумбо нянька! говорили прохожіе, съ завистью поглядывая на меня.

Когда дѣвочка выросла, я сталъ пахать землю, молотить и исполнять разныя домашнія работы. Молотилъ я обыкновенно кукурузу. Взявъ въ хоботъ початокъ кукурузы, я билъ имъ изъ всѣхъ силъ о камень и изъ него высыпались зерна. Въ этомъ и состояла молотба. Каждый день ко мнѣ приходила Нура и ласкала меня. Она была теперь уже дѣвушкой—невѣстой и любила меня и это скрашивало мнѣ жизнь. Я тоже былъ очень привязанъ къ своей воспитанницѣ и очень скучалъ въ тѣ часы, когда не видѣлъ ее совсѣмъ. Два раза въ мѣсяцъ, взявъ съ собой бѣлье всей своей семьи, она ходила на рѣчку его полоскать. Проходя мимо меня, она всякій разъ обращалась ко мнѣ со словами:—

— Динго, иди со мною полоскать бѣлье!

И я шелъ вслѣдъ за нею и самымъ добросовѣстнымъ образомъ полоскалъ хоботомъ въ водѣ бѣлье. Она имѣла обыкновеніе бить по бѣлью валькомъ. Я бралъ у нея изъ рукъ валекъ и такъ начиналъ колотить имъ по бѣлью, что отъ валька иной разъ летѣли во всѣ стороны щепки.

— Тише, тише, Динго! говорила она мнѣ.—Такъ ты испортишь мнѣ и самое бѣлье.

Когда она выносила на дворъ треножникъ, разводила огонь и начинала варить на немъ для семьи обѣдъ, то она могла быть вполне покойна, что у нея ничто не сбѣжитъ и не пригоритъ. Я снималъ шумовкой пѣну, набѣгавшую на супъ отъ мяса, мѣшалъ ложкой кашу изъ риса, чтобы она не пригорѣла, и подкладывалъ въ огонь дровъ. Когда ей трудно было сбить масло, то я болталъ сливки въ кувшинѣ такъ, что масло свертывалось въ немъ въ какіе-нибудь четверть часа. Я пасъ буйволовъ и овецъ ея отца Джумбо и дѣлалъ это такъ, какъ не смогла бы сдѣлать этого даже самая умная собака. Я выгонялъ ихъ въ поле, водилъ ихъ на водопой, окатывалъ ихъ изъ хобота водой, когда было жарко, отгонялъ отъ нихъ вѣтхой мухъ и, когда вечерѣло, приводилъ ихъ всѣхъ домой. Когда Джумбо затѣялъ строить себѣ новый домъ, то я пилил ему бревна... Однимъ словомъ, въ семьѣ моего

хозяина не было такого дѣла, въ которомъ я не принималъ-бы участія, и теперь я отлично понимаю, почему индусы относятся къ намъ, какъ къ роднымъ.

Шестнадцати лѣтъ Нура была выдана замужъ и ее увезли куда-то далеко. Я остался одинъ и заскучалъ. Меня некому уже было ласкать и я пересталъ уже стирать бѣлье, снимать съ бульона пѣну и мѣшать ложкой рисовую кашу въ котелкѣ. Вскорѣ затѣмъ пришли къ Джумбо какіе-то люди, уплатили ему деньги за меня и увели меня съ собой. Они посадили меня затѣмъ на пароходъ и привезли въ большой Индійскій городъ Мадрасъ. Здѣсь стояли англійскія войска. Я скоро понялъ, что меня отдали въ военную службу, потому что на мнѣ стали возить громадныя, тяжелыя пушки, заставляли меня маршировать съ другими такими-же слонами, какъ я, и приучали насъ къ выстрѣламъ. Однажды, когда я такъ маршировалъ на какомъ-то парадѣ, я среди зрителей, стоявшихъ въ сторонкѣ и смотрѣвшихъ на англійскихъ солдатъ, увидѣлъ Нуру. Она стояла со своимъ мужемъ, слушала военную музыку и глядѣла на парадъ. Когда я проходилъ мимо нея, волоча за собою тяжелую пушку и неся на своей спинѣ двѣ другія пушки поменьше, она обратилась къ своему мужу и сказала:

— Точно такой-же былъ и мой Динго! Какой это былъ прекрасный, преданный слонъ!

Я хотѣлъ закричать ей, что это она видитъ именно меня, но какъ я могъ это сдѣлать? Я помахалъ ей хоботомъ, похлопалъ ей ушами, но она не поняла меня, и насъ погнало дальше.

На военной службѣ я прослужилъ около десяти лѣтъ а затѣмъ мнѣ отпилили мои клыки, которые продали за большія деньги, какъ слоновую кость, и обезображеннаго, некрасиваго, похудѣвшаго отъ непосильной работы и недоѣданія, продали какому-то индусу, который шесть лѣтъ возилъ на мнѣ богомольцевъ въ Бенаресъ. Это все были индусы—бѣдняки, которые ѣздили на мнѣ въ свой священный городъ, чтобы вымолить тамъ себѣ прощеніе за грѣхи. Хозяинъ мой былъ больной человекъ, вѣчно принимавшій какія-то пилюли, и когда онъ умеръ, то меня привели на берегъ моря, посадили на пароходъ, привезли въ Европу и съ тѣхъ поръ я уже ни разу не выходилъ изъ звѣринца. Ты видишь, на чемъ я здѣсь долженъ спать? Цѣлые дни, съ утра и до вечера, любопытная публика пристаетъ ко мнѣ со своими глупыми угощеніями и требованіями, чтобы я сдѣлалъ то одно, то другое. Музыка, эти трубы и барабаны, звучать у меня въ ухахъ даже по ночамъ, когда звѣринецъ пустѣетъ

и въ немъ гасятъ огни. Этотъ запахъ отъ множества звѣрей, томящихся здѣсь въ клѣткахъ, удушаетъ меня. Ревъ львовъ и тигровъ не даетъ мнѣ спокойно уснуть. Я прикованъ здѣсь цѣпью за ногу къ стѣнѣ и хожу только тогда, когда звѣринецъ переѣзжаетъ въ другой городъ и меня ведутъ на вокзаль. А когда наступаетъ ночь, то изъ-подъ пола вылѣзаютъ крысы, которые кусаютъ меня въ подошвы. Какъ тебѣ нравится эта жизнь?

Верблюдъ молчалъ. На улицѣ дулъ вѣтеръ и гналъ передъ собою цѣлая облака сыпучаго снѣга. Сквозь досчатая стѣны звѣринца вѣтеръ проникалъ съ улицы внутрь, заносилъ въ балаганъ снѣжинки и было холодно такъ, что нельзя было согрѣться, и звѣри забивались въ уголки своихъ клѣтокъ и жалобно стонали.

— Что-же ты молчишь? снова обратился къ верблюду слонъ. — Развѣ тебѣ нравится эта жизнь?

Верблюдъ глубоко вздохнулъ и снова ничего не отвѣтилъ. Онъ подумалъ о своихъ степяхъ, гдѣ теперь тоже носилась изъ края въ край метель, но гдѣ не было такъ тяжело, какъ здѣсь, потому что можно бѣжать, дышать чистымъ воздухомъ и исполнять то, на что приспособилъ верблюда Господь.

Въ углу, въ темнотѣ, кто-то изъ звѣрей болѣзненно закашлялъ.

— Боже мой, Боже мой, раздался чей-то голосъ.—Когда-же пройдетъ этотъ мой кашель, когда наконецъ кончится эта моя несчастная, страдальческая жизнь!

Это вздыхала больная обезьяна. Ей въ отвѣтъ что-то пробормоталъ полусонный попугай и гдѣ-то въ другомъ углу замыкала дикая кошка. А загѣмъ въ звѣринцѣ водворилась тишина.

А на улицѣ по прежнему злилась метель и вѣтеръ гналъ передъ собою снѣжные облака.

С. Вершининъ.

Я ЖДУ...

Я жду, когда растаетъ снѣгъ
И залетаютъ всюду мушки
И огласятъ заросшій берегъ
Нестройнымъ кваканьемъ лягушки,
Когда распухнетъ сирень,
Проглянетъ ландышъ ароматный
И освѣжится жаркій день
Грозой нежданной, благодатной.

Я жду, когда въ поляхъ свирѣль
Вдругъ запоетъ неприхотливо
И ей угрюмый коростель
Отвѣтитъ дерганьемъ пугливо.
Я жду, а снѣгъ идетъ сильнѣй,
Трещатъ суровые морозы...
О, лѣто, гдѣ ты? Гдѣ стрекозы?
Гдѣ голосистый соловей?

Ирисъ.

ПОЛЬ-ВѢКА НАЗАДЪ.

Разсказъ няни.

Мамы и папы не было дома, они уѣхали въ сосѣднюю усадьбу въ гости и мы сидѣли одни съ няней Натальей Семеновной и слушали ея разсказъ. Былъ февраль. Дулъ вѣтеръ и слышно было, какъ гудѣли голыми вѣтвями деревья. На всю гостинную горѣла одна только свѣча, такъ какъ о лампахъ и керосинѣ тогда не было и помина, было тепло и уютно и мысль о городѣ вовсе даже и не приходила намъ на умъ, хотя все наше дѣтство и протекало въ глухой, отдаленной усадьбѣ.

— Няня, раскажи намъ что-нибудь изъ твоей жизни, пристали мы къ ней, хотя и знали чуть не наизусть всѣ ея разсказы. Вѣдь ты была когда-то крѣпостной!.. Раскажи намъ про крѣпостное право!

Няня сдвинула на лобъ очки, отложила въ сторону чулокъ и начала намъ свой разсказъ:

— Да, нагорѣвалась я тогда, милые мои, многого натерпѣлась, много было слезъ пролито! Тогда помѣщики еще владѣли крестьянами и могли ихъ закладывать и продавать. Я принадлежала барынѣ Овсянниковой и жила у своего свекора Афанасія, въ его избѣ, въ деревнѣ. Я только второй годъ была замужемъ. Моего мужа Никиту баринъ послалъ въ Петербургъ въ извозчики и отбиралъ отъ него всѣ деньги, которые онъ тамъ зарабатывалъ. Сами-же баринъ съ барыней жили въ Москвѣ и только на лѣто пріѣзжали къ себѣ въ усадьбу, которая находилась верстахъ

въ пяти отъ нашей деревни. Конечно, если-бы мой мужъ Никита былъ со мною, то онъ не даль-бы меня въ обиду и какъ нибудь устроилъ-бы дѣло, а безъ него я не смѣла даже разинуть рта.

У меня родился ребеночекъ, которому батюшка далъ при крещеніи имя Эрастъ. Я пронянчила его около себя всего только девять дней, какъ вдругъ приходитъ къ намъ въ избу барскій управляющій Федотъ, котораго мы всѣ, крѣпостные, звали бурмистромъ и говорить:

— Афанасій, баринъ прислалъ изъ Москвы письмо и приказалъ немедленно же отправить Наталью въ Москву.

— Зачѣмъ? спросилъ мой свекоръ.

— Въ кормилицы. У барыни тоже родился сынокъ, Наталья будетъ его кормить.

— А какъ-же ея Эрастъ?

— Обойдется и такъ! Не барское дитѣ! Обойдется и безъ матери!..

Бурмистръ ушелъ, мой свекоръ со свекровью поговорили между собою и рѣшили отправить меня въ Москву. Мужъ мой Никита ужъ четвертый мѣсяць былъ въ Петербургѣ, я цѣликомъ была во власти свекра и непослушаться его было нельзя. Разъ приказывали господа, то для ихъ крестьянъ ихъ воля была—законъ.

Все время я плакала и никакъ не могла наглядѣться на своего Эраста, съ которымъ мнѣ приходилось теперь разстаться на долгое время.

Стали меня собирать въ дорогу. Въ день отъѣзда жена Афанасія— Пелагея отваживала моего ребеночка отъ меня и давала ему сосать тряпку, смоченную въ коровьемъ молокѣ, чтобы онъ поскорѣе отвыкъ отъ меня. И только передъ самымъ отъѣздомъ дали мнѣ на Эрастика поглядѣть. Когда я прощалась съ нимъ, то онъ, голоденекій, плакалъ и тянулся къ моей груди. Но его до меня не допустили.

— Маль, глупенекъ, оттого и пищать! сказала Пелагея. — Привыкнетъ! Не господское дитѣ. Ну, поѣжайте съ Богомъ!

Приѣхали мы въ Москву. Афанасій оставилъ лошадей на постояломъ дворѣ и повелъ меня къ барынь. Вошли съ задняго крыльца и долго ее дожидались на кухнѣ.

— Въ кормилицы, что-ли? спросилъ Афанасія поваръ.

— Такъ точно... отвѣтилъ онъ. — Доложите барынь!

— А свой-то ребенокъ развѣ у нея померъ?

— Нѣтъ, живъ, слава тебѣ, Господи!

— Какая-же она мать, если свое дитѣ бросаетъ?.. Собакѣ и той своего щененка жалко!

Я вытащила платокъ и стала утирать имъ глаза.

— Что подѣлаешь? вздохнулъ Афанасій. — Такъ приказала барыня... Воля господская! А вы не сумлевайтесь: дома при ребенкѣ моя баба осталась. Усмотритъ!

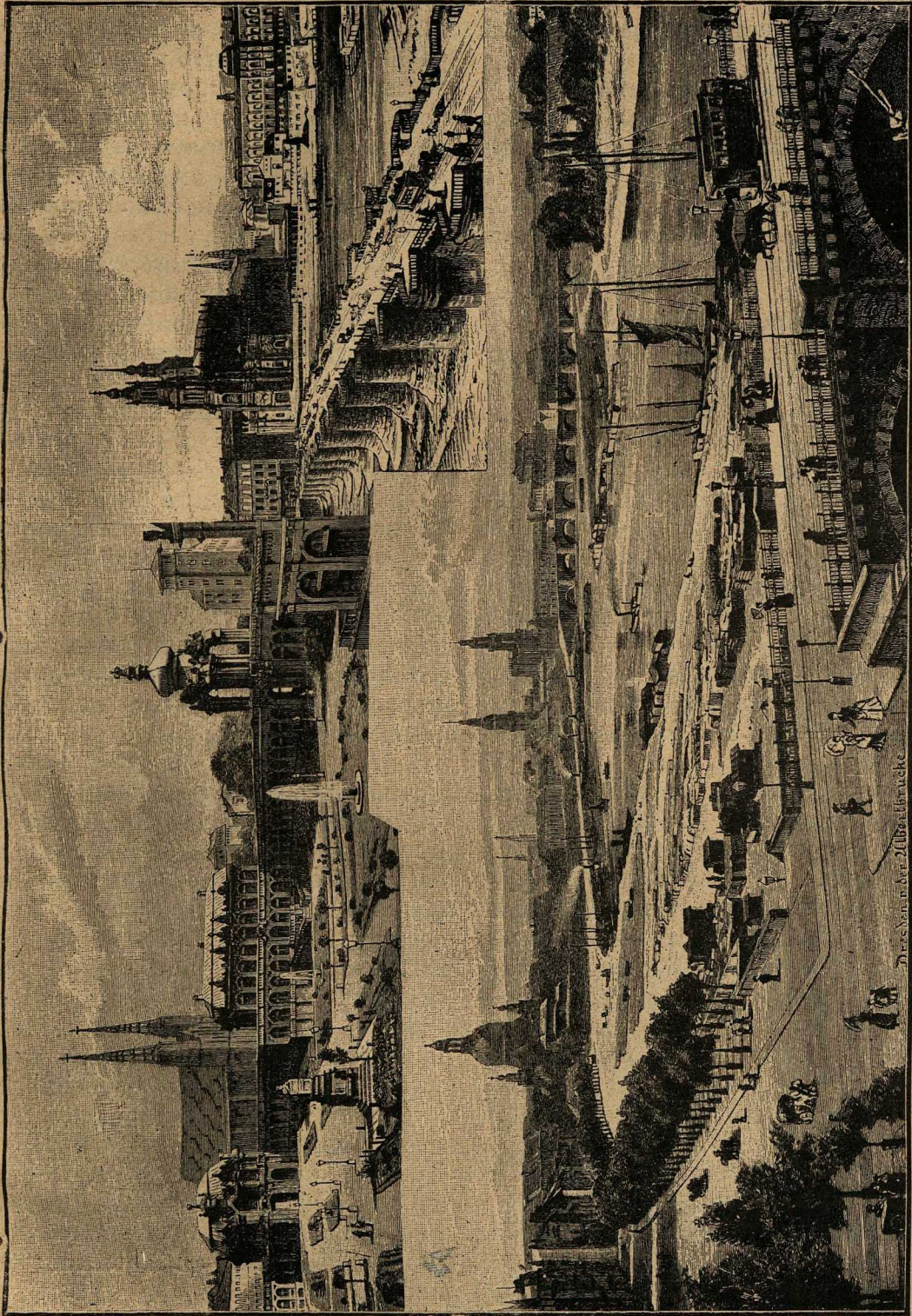
— Все не мать родная! вздохнулъ поваръ.

Меня ввели въ дѣтскую и въ первое время все было для меня чуждо: и слабенькій мальчикъ барыни, сосавшій мою грудь, и сама бары-

ня, и пища, и тотъ костюмъ, въ который меня нарядили. Афанасій въ тотъ-же вечеръ уѣхалъ обратно къ себѣ въ деревню и мнѣ показалось, что теперь уже для меня все кончено и что вмѣстѣ съ уходомъ свекра для меня уже навѣки прервалась всякая связь съ деревней и съ моимъ сыномъ, который остался теперь такъ далеко одинъ, на рукахъ у чужихъ для меня людей и дороже котораго для меня ничего не было на свѣтѣ. Мой Эрастъ не шелъ у меня изъ ума, видѣлся мнѣ по ночамъ, чужой ребенокъ былъ безпокойный и мнѣ приходилось спать только урывками и сидя, и тѣ шелковыя ленты, которыя спускались у меня съ кокошника вдоль спины, казались мнѣ огненными и жгли меня. Барыня часто ѣздила въ гости и въ театръ, поздно возвращалась домой и рѣдко занималась со своимъ ребенкомъ. Для него было нашито много нарядовъ, разныхъ капоровъ, чепцовъ и салопчиковъ для гулянья, но ребенокъ все время плакалъ, потому что нуждался въ нихъ столько-же, сколько и я въ лентахъ, спускавшихся у меня съ кокошника. И по мѣрѣ того, какъ проходило время и я кормила его, онъ все больше и больше начиналъ мнѣ нравиться, я привязалась къ нему и сама и если-бы могла имѣть при себѣ еще и своего Эрастика, то больше мнѣ ничего и не было бы нужно. И каждый день я хотѣла броситься передъ барыней на колѣни и выпросить у нея позволенія привезти въ Москву и моего сына. Но барыня не позволила мнѣ даже и заикаться объ этомъ и только сказала: — Я напишу бурмистру въ деревню письмо...

Лютый зверь.

Дрезденъ — столица Саксоніи. Это одинъ изъ лучшихъ немецкихъ городовъ. Въ немъ 400 тысячъ жителей. Онъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Эльбы и славится своею картинною галлереей, въ которой собраны и берегутся картины знаменитыхъ художниковъ различныхъ государствъ.

Онъ все узнаеть о твоёмъ Эрасть и отвѣтитъ тебѣ.

Черезъ мѣсяць бурмистръ прислалъ къ барынѣ зачѣмъ-то моего свекра Афанасія. Онъ пріѣхалъ къ намъ, бухнулъ барынѣ въ ноги и я узнала отъ него, что мой Эрастикъ чѣмъ-то болѣнъ, но чѣмъ именно, такъ я отъ него толку и не добилаь.

— Все время кричить... сообщилъ онъ.— Должно быть не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ! И глазки словно-бы мутные какіе... Надо быть, что скоро умереть!..

У меня замерло подъ сердцемъ и слезы потекли по щекамъ. Бѣдный мальчикъ! Онъ имѣетъ родную мать, но ее отняли у него, отдали другому, и теперь онъ одинъ безъ нея скучаетъ и чѣмъ-то болѣнъ.

— Нѣтъ! рѣшила я,— я брошу все, своего питомца, барыню и полечу сейчасъ же въ деревню къ сыну!

Я подошла къ барынѣ и со страхомъ сказала:

— Барыня, отпустите меня къ сыночку...

— Да ты съ ума сошла, Наталья! крикнула на меня барыня.— На кого-же я оставлю Володю? Нѣтъ, ужъ ты пожалуйста не выдумывай пустяковъ!

— Да какіе-же это пустяки, барыня?.. Отпустите, Христа ради...

Я расплакалась и долго не могла успокоиться. Барыня сама вышла къ Афанасію и приказала ему припугнуть меня. Афанасій вызвалъ меня въ кухню, ударилъ меня и крикнулъ:

— Слушайся барыню! Развѣ ты не знаешь, что она наша госпожа?

Я возвратилась изъ кухни въ

дѣтскую и низко склонилась надъ ребенкомъ, такъ-что почти вся ушла въ его люльку, горько заплакала, а чтобы не выдать своихъ слезъ, стала напѣвать надъ ребенкомъ пѣсню. Это смѣшеніе пѣнія со слезами мнѣ и самой показалось неприятнымъ и я скоро умолкла. А потомъ, понявъ, что меня разлучили съ Эрастомъ навсегда, я бросилась къ Володѣ и стала цѣловать его въ глаза, въ щеки, въ грудь, куда попало.

— Теперь моимъ сыномъ будешь ты! сказала я.— Я не разстанусь больше съ тобой никогда!

По веснѣ поѣхали въ усадьбу. Когда мы подѣзжали къ нашей деревнѣ, то я съ замираніемъ сердца глядѣла, когда покажется вдругъ наша изба. Этотъ день былъ для меня точно свѣтлый праздникъ. Точно я нѣсколько лѣтъ провела въ ссылкѣ и получила наконецъ право возвратиться на родину. Всю дорогу, пока ѣхали, мнѣ такъ и хотѣлось соскочить на землю, снять башмаки и босикомъ пробѣжаться по травѣ, походить по полю, и чтобы тутъ-же со мною былъ и мой сынокъ Эрасть! Нѣтъ, не одинъ Эрасть, а и Володя!

„Теперь они все одно, что братья“, думала я.

Пора была рабочая, всѣ сѣялись и когда тарантасъ подѣхалъ къ нашей деревнѣ, то я отпросилась у барыни и пошла провѣдать моего сынка. Барыня позволила и я стала подниматься въ горку и меня не встрѣтилъ рѣшительно никто.

— Смотри-же, Наташа! крикнула мнѣ барыня.— Больше часу не сиди!

Я побѣжала вдоль по улицѣ и, громыхая на бѣгу монистами, не

могла наглядѣться на свою деревню. Ленты отъ кокошника развѣвались у меня по сторонамъ, за мною гналась собака и лаяла, а я все бѣжала и бѣжала. Вотъ одна изба, вотъ другая, а вотъ и изба Афанасія. Сейчасъ я увижу своего сына...

Съ замираніемъ сердца я отворила дверь и вошла въ горницу. Въ ней никого не было. На полу сидѣлъ маленькій ребеночекъ съ тоненькой шейкой и впалыми щечками; онъ макалъ корку черного хлѣба въ чайную чашку съ водой и сосалъ ее. Вся мордочка его была обмазана хлѣбомъ; блѣдненькій, съ свѣтящимися насквозь ушками, онъ поднималъ головку и посмотрѣлъ на меня ярко-голубыми глазками. У него давно уже не были подстрижены ноготки и рубашонка была такая грязная, что страшно было глядѣть. Сердце у меня сжалось и глаза наполнились слезами.

— Эрастикъ!—воскликнула я.— Свѣтикъ ты мой! Здравствуй!

Онъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся на мой кокошникъ.

Я схватила его на руки, прижала его къ сердцу, но онъ меня испугался, неслышно заплакалъ и потянулся отъ меня прочь. Онъ отвыкъ отъ меня и не узналъ своей матери.

Я посадила его обратно на полъ, сѣла на лавку и стала плакать.

Вошла свекровь Пелагея, начались разспросы, ахи, охи. Поставили затѣмъ самоваръ, я вылила его въ корыто, разбавила водой и вымыла Эраста. Дали ему молока и уложили спать. А тѣмъ временемъ часъ уже прошелъ и надо было пѣшкомъ отправляться къ

господамъ въ усадьбу. Мнѣ ужасно не хотѣлось уходить, жаль было расставаться съ сыномъ, но дѣлать было нечего. Я поцѣловала его, перекрестила, отозвала бабу—Пелагею и сунула ей въ руку рубль.

— Побереги его, свекровушка!—сказала я, а слезы такъ и полились у меня по щекамъ.—Я тебя не забуду.

— И, полно, касатка!—заплакала вмѣстѣ со мною и Пелагея.—Я ли его не берегу? Да и то сказать: не господское вѣдь дите! А что у насъ нѣтъ молока, нечѣмъ его кормить, такъ воля не наша. Одна была у насъ корова, да и та пала.

Тогда я поняла, что моему Эрастику не сдобровать. Я вернулась къ барынѣ, долго плакала у колыбельки Володи, молилась Богу и подъ конецъ рѣшила уйти къ своему ребенку. Но какъ было оставить Володю безъ молока? Вѣдь я выкормила его, выносила на рукахъ и провела надъ нимъ столько безсонныхъ ночей! Неужели я рѣшилась-бы бросить его одного? И чѣмъ больше я думала о немъ, тѣмъ все чаще и яснѣе сталъ представляться мнѣ мой сынокъ, блѣдненькій и худенькій, котораго ожидала у свекрови голодная смерть.

И я рѣшила открыться во всемъ повару Акиму.

— Надо мужу твоему написать,—сказалъ онъ.— Мужу твоему, въ Питерь, стало быть, надо обо всемъ написать. Какъ онъ рѣшитъ, такъ тому и быть.

Онъ былъ у насъ грамотѣй и дѣйствительно написалъ моему мужу обо всемъ. Каково же было мое удивленіе, когда въ нашей усадьбѣ вдругъ неожиданно появился мой мужъ.

— Никита!—испугалась я.—Что ты надѣлалъ? Какъ ты смогъ безъ барскаго позволенія бросить Петербургъ и явиться сюда?

Онъ заплакалъ и показалъ мнѣ на узелокъ, который принесъ къ намъ съ собой.

Я заглянула въ него и въ ужаеѣ отшатнулась назадъ. Въ немъ лежалъ чуть живой нашъ Эрастъ.

— Умираетъ...—сказалъ онъ.—Чуть живой... Надо-же пожалѣть и его!

На утро мы оба явились къ господамъ и упали имъ въ ноги.

— Отпусти насъ, баринъ!—сказали мы.—У насъ умираетъ сынокъ!

Увидѣвъ Никиту, баринъ вскопчилъ съ кресла, затрясся всѣмъ тѣломъ и позеленѣлъ. Мы думали, что съ нимъ сдѣлается ударъ.

— Какъ?!—закричалъ онъ.—Ты осмѣлился явиться сюда безъ моего позволенія? Вотъ я прикажу сейчасъ тебя выдрать плетью!

Краска бросилась моему мужу въ лицо.

— Баринъ!—сказалъ онъ.—Подождите меня драть, теперь уже поздно!.. Въ Питерѣ уже всѣ говорятъ, что въ этомъ году Государь насъ отпуститъ на волю!

— На волю?—закричалъ баринъ.—Ахъ, ты вольнодумецъ негодный! Да я дамъ тебѣ сейчасъ такую волю, что ты своихъ не узнаешь!

Баринъ схватилъ трубку и ударилъ его изо всѣхъ силъ по лобу.

— Въ Сибирь!—закричалъ онъ.—Отдать его сейчасъ-же въ солдаты. Немедленно-же забрить ему лобъ!

Три дюжихъ мужика подскочили къ моему мужу и скрутили ему

руки назадъ. По приказанію барина, они отвели его въ амбаръ и тамъ заперли его на ключъ.

Я подняла съ полу своего ребенка и понесла его въ кухню. Поваръ Акимъ взялъ его у меня изъ рукъ и отнесъ его къ себѣ въ каморку.

— Ужо, какъ свечерѣетъ, сказалъ онъ,—я отнесу его въ деревню къ твоей свекрови!

Въ тотъ-же день баринъ послалъ верхового въ городъ къ исправнику съ приказаніемъ забрить моего Никиту въ солдаты. Я плакала, еле держалась на ногахъ и не помню, какъ кормила Володю.

Ночью ко мнѣ въ дѣтскую вдругъ постучался поваръ Акимъ.

— Выйди-ка на минутку ко мнѣ, шепнулъ онъ, когда я отворила ему окно. Я вышла. Онъ взялъ меня за руку и вывелъ за садъ. Тамъ поджидалъ меня мой мужъ. Его выпустилъ изъ амбара Акимъ. На рукахъ у Никиты былъ нашъ Эрастъ.

— Бѣгите, пока не поздно!—сказалъ Акимъ.—Скоро Государь всѣмъ намъ дастъ волю, уже не долго осталось ждать!

— А какъ-же Володя?—сказала я.

— Обойдется и безъ тебя! Все равно его скоро надо отнимать отъ груди!

Я вздохнула, поглядѣла въ сторону усадьбы, мы перекрестились, простились съ Акимомъ, взяли за руки и пошли.

— Куда-же мы теперь пойдѣмъ?—спросила я у мужа.

— Куда глаза глядятъ!—отвѣтилъ онъ.—Будемъ странствовать до тѣхъ поръ, пока Царь не отпуститъ насъ всѣхъ на волю!

Мы шли цѣлую ночь и къ восходу солнца дошли до Волги. Тамъ мы сѣли на барку и спустились на ней верстъ на пятьдесятъ внизъ. У Никиты было съ собою немного денегъ, онъ нанялся въ грузчики и мы укрылись въ землянкѣ у одного добраго человѣка и прожили у него до зимы. Нашъ Эрастикъ сталъ поправляться и пополнѣлъ. Зимою у мужа не было работы и мы голодали и перебивались кое-какъ. А потомъ, когда мы уже совсѣмъ отощали и нечего было дать поѣсть даже нашему сыночку, то мужъ рѣшилъ отправиться въ городъ и поискать себѣ тамъ работы.

— Ты жди меня здѣсь, — сказалъ онъ, — а я дня черезъ два къ тебѣ вернусь.

Онъ ушелъ, а я осталась одна. Сердце во мнѣ трепетало и я почувствовала, что будетъ что-то недоброе. Весна въ тотъ годъ была ранняя. Волга прошла еще въ концѣ февраля и, какъ диковина, появился на ней пароходъ. Онъ шелъ изъ Нижняго въ Астрахань, остановился около насъ и мы всѣ выбѣжали на него глядѣть.

Какъ вдругъ около меня появился мой мужъ. На немъ не было лица. Губы у него дрожали и онъ весь какъ-то сразу осунулся и похудѣлъ.

— Что съ тобою? — спросила я его въ испугѣ.

— Сейчасъ я встрѣтилъ въ городѣ за собой погоню — отвѣтилъ онъ. — Баринъ догадался, гдѣ мы, и приказалъ меня схватить. Теперь насъ сошлютъ, какъ бѣглыхъ, въ Сибирь.

Сердце у меня похолодѣло.

— Что-же теперь намъ дѣлать? — спросила я у Никиты.

— Бѣжимъ!..

— Куда?!

Въ это время отъ пристани отваливалъ пароходъ. Никита схватилъ меня за руку и силою втащилъ меня на него. Раздался свистокъ и мы очутились на серединѣ Волги и поплыли невѣдомо куда. Когда мы были отъ берега уже далеко, то намъ видно было, какъ у пристани появились вдругъ нашъ бурмистръ и полицейскій засѣдатель и оглядывались по сторонамъ. Это они искали насъ.

Цѣлыя четверо сутокъ мы плыли внизъ по рѣкѣ. А на пятые сутки, повсюду, куда только мы ни приставали, стали звонить колокола. Былъ будень, но народъ весело расхаживалъ по берегу, подбрасывалъ шапки вверхъ и кричалъ ура.

— Что нынче за праздникъ? — спросила я у одного мужичка, когда мы пристали къ какому-то селу съ двумя церквями, на которыхъ, точно на Пасху, звонили колокола.

— А ты и не знаешь? — отвѣтилъ онъ. — Ахъ, ты простота! Да вѣдь Государь насъ всѣхъ отпустилъ на волю! Теперь ужъ мы всѣ не крѣпостные, а такіе-же свободные, какъ и господа!

Я не вѣрила своимъ ушамъ. Около меня стоялъ мой мужъ и слезы радости вдругъ брызнули у него изъ глазъ.

— Воля! — воскликнулъ онъ. — Воля!

И больше онъ не могъ говорить ничего.

Успокоившись немного, мы сошли на берегъ и отправились въ церковь. Она была биткомъ набита народомъ. Одни входили, другіе выходили, всѣ поздравляли другъ друга съ волей и цѣловались, какъ

на Пасху. Когда мы вошли въ церковь, то батюшка громко читалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного права:

— „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ— залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“. Такъ обращался къ намъ Царь-Освободитель Александръ Второй.

Теперь мы были свободны. Теперь никто не могъ забрить моего мужа въ солдаты или сослать его безъ суда въ Сибирь и лишить моего Эрастика меня.

И оба мы упали въ церкви ницъ и плакали, плакали безъ конца...

Старушка смолкла и, полная воспоминаній, безмолвно стала глядѣть въ пространство. На дворѣ по прежнему гудѣлъ въ деревьяхъ вѣтеръ, и котъ Матросска потягивался у печки. Мы глядѣли на ея старческіе глаза и намъ казалось, что мы видѣли въ нихъ все то, что видѣли и они, и чувство глубокаго уваженія къ старушкѣ наполнило наши души.

— Ну, дѣтки,—сказала вдругъ она, придя въ себя.—Пора уже и спать! Помолитесь Боженькѣ и ложитесь въ постельки!

Мы послушно, гурьбою, отправились спать, но еще долго лежали на кроваткахъ и думали о томъ, что было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

4.

ВЕСНА УЖЪ СКОРО!..

Весна ужъ скоро... Такъ пріятно,
Что солнце шлетъ свои лучи,
Что возвратились къ намъ обратно
Грачи, грачи!

Снѣгъ рыхлымъ сталъ, сосульки
таютъ,
Ручьи бѣгутъ во всѣ концы
И ужъ на вѣткахъ распѣваютъ
Скворцы, скворцы!

А тамъ зелеными вдругъ ста-
нутъ
Поля, деревья и кусты.
И изъ травы густой проглянутъ
Цвѣты, цвѣты!

И будетъ весело ребятамъ
Играть на воздухѣ весь день,
Когда обдасть ихъ ароматомъ
Сирень, сирень!

И вдругъ—гроза!.. За ней лягушки
Наполняютъ кваканьемъ рѣку
И сладко крикнетъ вдругъ кукушка
Ку-ку! Ку-ку!

Кузнечикъ.

НА ЧУЖБИНѢ.

(Окончаніе).

Возвращеніе отца наполнило всю жизнь Сони. Она какъ-то сразу вся преобразилась, разцвѣла и ея веселое щебетанье стало раздаваться теперь во всѣхъ концахъ усадьбы. Она водила Андрея Петровича на скотный дворъ, показывала ему своихъ куръ, утокъ и гусей, бѣгала съ нимъ по аллеямъ парка, водила его въ лѣсъ и поля. Какъ маленькій, онъ принималъ участіе въ ея играхъ и цѣлые дни проводилъ съ нею и съ Борей на воздухѣ. А когда наступалъ вечеръ, то онъ и Григорій Петровичъ садились на ступеньки террасы, дѣти усаживались у ихъ ногъ, и онъ начиналъ рассказывать имъ о Дальнемъ Востокѣ, о своихъ приключеніяхъ въ Сибирскихъ дремучихъ лѣсахъ, о китайцахъ и о великихъ, полноводныхъ рѣкахъ, текущихъ по безлюднымъ мѣстностямъ, по которымъ еще ни разу не ступала нога человѣка. Дѣти слушали его, не отрывая отъ него глазъ и боясь своимъ дыханіемъ нарушить его рассказъ, а кругомъ кричали вечернія птицы, пѣли соловьи и гдѣ-то далеко въ поляхъ дергаль коростель.

Такъ проходили дни за днями.

Однажды вечеромъ, когда Андрей Петровичъ сидѣлъ такъ на террасѣ и рассказывалъ брату и дѣтямъ о своихъ приключеніяхъ, Иванъ Игнатьевичъ вдругъ сказалъ:

— Господа, пойдемте кататься въ лодкѣ!

— Пойдемте, согласились всѣ.

Они поднялись и отправились къ пруду. У плота стояла лодка. Всѣ вошли въ нее и отчалили отъ берега. Доплывъ до середины пруда, Соня, Боря и Иванъ Игнатьевичъ подняли весла такъ и остались недвижимо на гладкой, какъ зеркало, поверхности пруда. Полная луна отражалась въ водѣ, кругомъ стояли могучія, безмолвныя деревья и у береговъ кричали лягушки. Было тихо, пѣли соловьи, хотѣлось жить и казалось, что были живы и деревья, и вода, и эта луна, и что и они тоже хотѣли жить. Было тихо, тепло, ни одинъ листъ не шевелился на деревьяхъ и весь противоположный берегъ съ поразительною ясностью отражался въ прудѣ.

— Какъ хорошо здѣсь у тебя, Григорій! обратился вдругъ Андрей Петровичъ къ брату.

— Да, ничего... отвѣтилъ Григорій Петровичъ. — Жить можно! Въ особенности, когда здѣсь твоя Соня. Пріѣхавши сюда, она съумѣла оживить всю нашу унылую жизнь и у насъ съ нею стало, какъ въ раю.

Соня покраснѣла и стыдливо опустила глаза.

— А мы все-таки думаемъ возвратиться въ Крымъ! продолжалъ Андрей Петровичъ.

Соня бросила весло, прижалась къ отцу и крѣпко схватила его за руку.

— Не надо, папочка, прошептала она. — Останемся здѣсь! Здѣсь такъ хорошо!

Затѣмъ опять долго молчали.

— Гдѣ-то теперь твоя няня— Агаша? снова нарушилъ молчаніе Андрей Петровичъ.

Соня глубоко вздохнула и отрывисто отвѣтила:

— Не знаю!

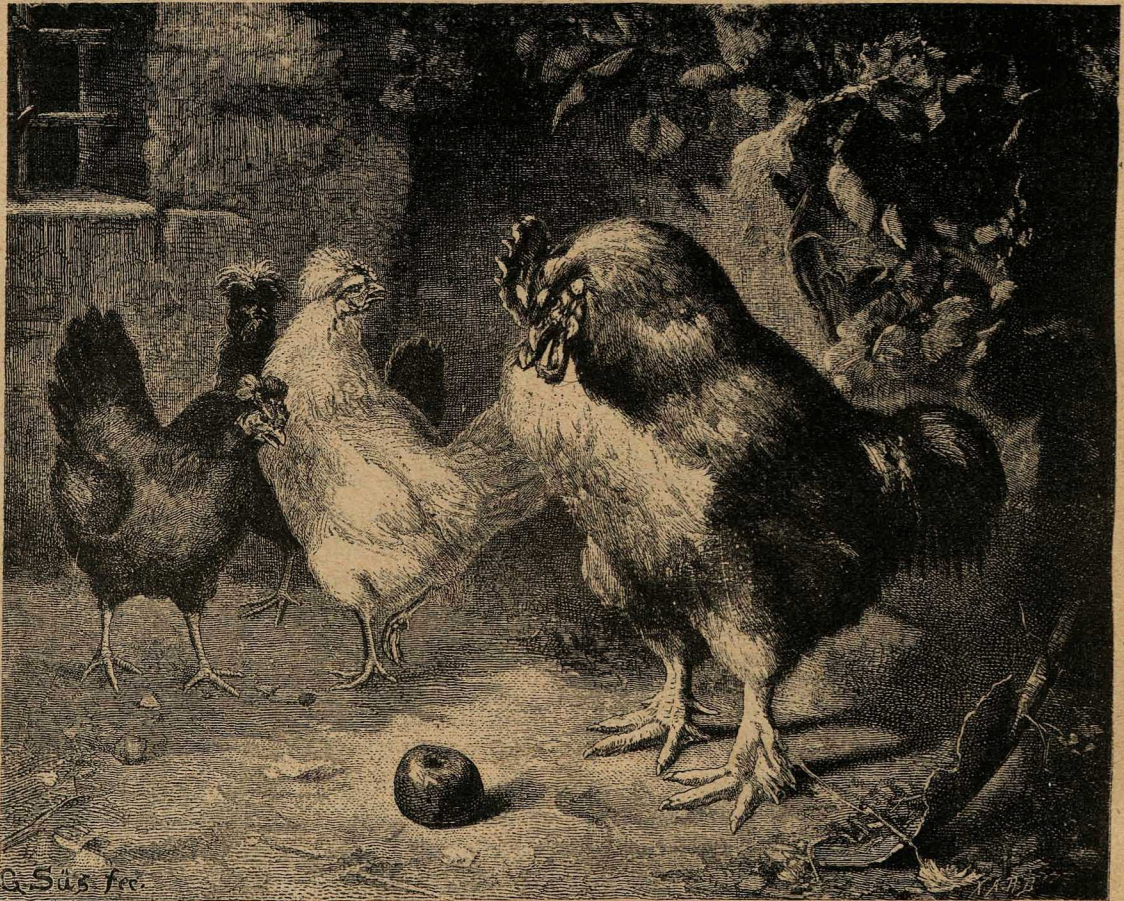
— Хорошая была женщина, про-

— Отчего-же вы не взяли ее сюда съ собой?

— Не знаю... спроси у дяди!

Григорій Петровичъ грустно улыбнулся.

— Не догадался... отвѣтилъ онъ.—И самъ послѣ пожалѣлъ объ

— Что это такое? Откуда оно свалилось?

должалъ Андрей Петровичъ.— Совсѣмъ, какъ родной человѣкъ. Вы гдѣ съ ней разстались?

— Мы оставили ее въ Крыму, отвѣтила Соня, — и съ тѣхъ поръ я не знаю, гдѣ она. Когда я уѣзжала съ дядей и Борей, то она долго стояла на крыльцѣ и смотрѣла намъ вслѣдъ.

этомъ, да нечего было дѣлать! Разсчитывалъ нанять для Сони мадмуазель, и ея не нанялъ! Такъ и прожили цѣлый годъ одни!

Гдѣ-то вдаль заиграла гармонія, зажужжали жуки и во всѣхъ концахъ парка послѣ небольшой передышки снова запѣли соловьи. Плеснула большая рыба въ прудѣ

и во всѣ стороны по его поверхности покатались къ берегамъ круги. Потянуль вѣтерокъ, въ далекомъ селѣ сторожъ прозвонилъ уже десять часовъ, а они все еще сидѣли въ лодкѣ, не плыли никуда и молчали.

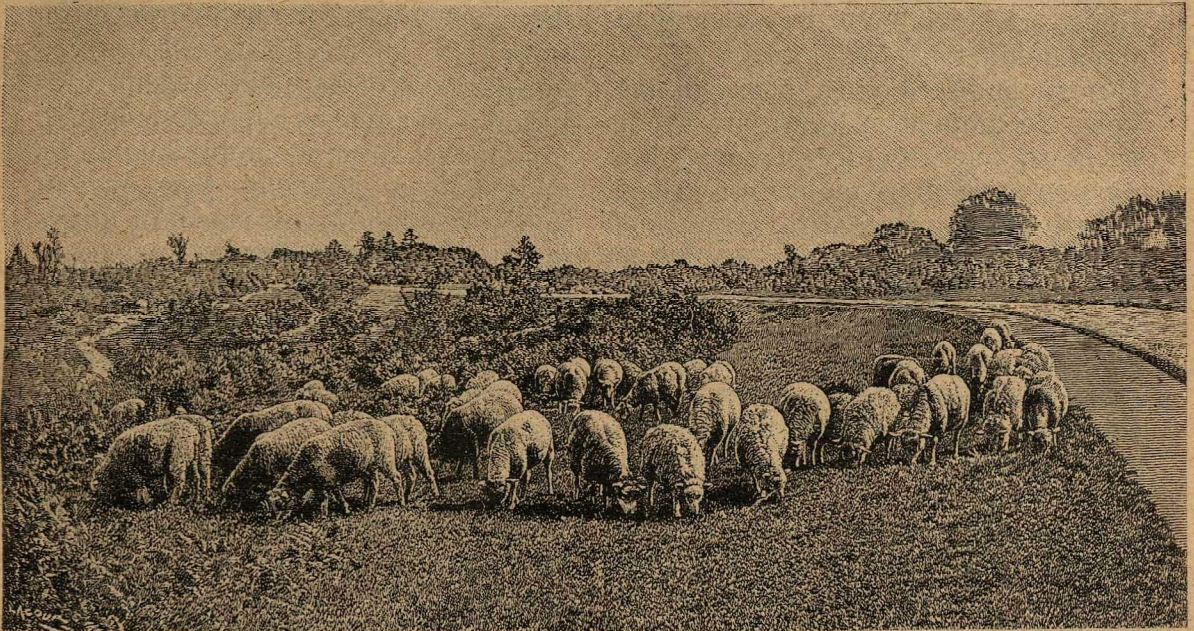
Какъ вдругъ въ усадьбѣ раздался собачій лай. Шарикъ, Барбоска, Вьюнъ и Арапка залаяли всѣ сразу и стаей бросились къ воротамъ.

— Эй! Кто тамъ? Отворите! Прогоните собакъ!

Всѣ въ усадьбѣ уже спали и не слышали ни лая, ни голоса этого чужого человѣка. Иванъ Игнатьичъ подбѣжалъ къ воротамъ, успокоилъ собакъ и отперъ калитку.

— Что вамъ? спросилъ онъ.— Чего вы стучите?

— Телеграмма!... отвѣтилъ незнакомецъ.

Овечки.

И вслѣдъ затѣмъ у калитки раздался стукъ и кто-то сталъ кричать на собакъ.

— Кто-то чужой! сказалъ Иванъ Игнатьевичъ.— Должно быть, заѣзжій чиновникъ или староста изъ Новожиля. Надо-бы поглядѣть!

Онъ, Боря и Соня взмахнули веслами и скоро лодка возвратилась обратно къ плоту.

Собаки продолжали злобно лаять и кто-то по прежнему стоялъ у калитки, стучалъ въ нее палкой и кричалъ:—

Иванъ Игнатьевичъ принялъ отъ него телеграмму и понесъ ее къ Григорію Петровичу. Всѣ столпились вокругъ него и съ боязливымъ любопытствомъ стали ожидать, когда онъ распишется въ ея полученіи и распечатаетъ ее.

— Предложите почтарю у насъ переночевать, сказалъ онъ Ивану Игнатьевичу,—и дайте ему поѣсть!

А затѣмъ онъ распечаталъ телеграмму и громко ее прочиталъ:

„Выѣзжаемъ сегодня. Завтра утромъ будемъ Угличъ. Вышлите

экипажъ и телѣгу для багажа. Корниловы“.

Соня взвизгнула, захопала въ ладоши и стала прыгать. Боря послѣдовалъ ея примѣру.

— Завтра, завтра пріѣдутъ! радостно закричала она. — Валя и Одея завтра ужъ будутъ здѣсь! Мы будемъ съ ними бѣгать, играть, намъ будетъ такъ интересно!

И пока Соня и Боря прыгали и выходили отъ радости изъ себя, Григорій Петровичъ отдавалъ распоряженія, чтобы завтра-же съ самаго ранняго утра былъ приведенъ въ порядокъ флигель, чтобы въ него внесли самую лучшую мебель и устроили кровати и чтобы, чуть свѣтъ, Данило отправился встрѣчать пароходъ и чтобы за багажемъ была выслана телѣга. Разбудили Прасковью, Данилу, все въ домѣ поднялось, засуетилось и когда Соня и Боря отправились спать, то до нихъ еще долго доносились звуки шаговъ и голоса прислуги.

— А все она! причитала Прасковья, вытаскивая изъ кладовой большія пуховыя подушки и матрацы. — Все она, моя кокоренька! Коли-бъ не она, такъ къ намъ никто и носа-бы не показалъ! Съ тѣхъ поръ, какъ покойница-барыня у насъ померла, такъ ни одна душенька къ намъ и не пожаловала... И уродить-же Господь такое дите! И создастъ-же такого ангела архангельскаго!

— Ты-бы, Прасковья, шла спать! сказалъ ей Григорій Петровичъ, высунувшись среди ночи изъ кабинета.

— Что ты, что ты, баринъ! испугалась Прасковья. — Да въ своемъ ли ты умѣ? Къ намъ гости ѣдутъ,

а онъ — иди ложись спать! Развѣ я не твоя прислуга? Развѣ я не понимаю? Радоваться нужно, а не спать! Господь гостей посылаетъ, а ты — спать!

И она еще долго причитала и долго возилась и шумѣла, совершенно не понимая, что могла помѣшать другимъ.

Когда Соня и Боря проснулись на слѣдующее утро, то все уже было готово. Во флигель были вымыты полы и пахло отъ нихъ мокрыми досками, во всѣхъ его комнатахъ была разставлена старинная краснаго дерева мебель и повѣшены на окна занавѣски, и въ спальней и дѣтской уже стояли кровати съ цѣлыми горками подушекъ, пирамидками поднимавшихся къ потолку. На подоконникахъ Прасковья разставила цвѣточки въ горшкахъ и у крыльца посыпала рубленными еловыми вѣтвями, отъ которыхъ шелъ тонкій смолистый запахъ. Данило еще до разсвѣта уѣхалъ къ пароходу и вмѣстѣ съ нимъ поплелся и отецъ Нилки скотникъ Яковъ съ телегой для багажа.

— Сегодня они пріѣдутъ! говорили дѣти и съ нетерпѣніемъ поглядывали на часы.

Но минутная стрѣлка подвигалась впередъ какъ-то особенно тихо, а часовая вела себя такъ неприлично, точно хотѣла показать, что въ часу не шестьдесятъ минутъ, а цѣлыхъ тысячи три. И чтобы хоть какъ-нибудь сократить время, Соня и Боря отправились въ поле, набрали нѣсколько букетовъ цвѣтовъ и разставили ихъ въ вазахъ по всему флигелю, нѣсколько разъ выходили далеко по дорогѣ, чтобы заглянуть, не пока-

зался-ли тарантасъ за лѣскомъ, но всѣ ихъ усилія скоротать время оказались тщетными и они бродили по усадьбѣ, какъ сонныя мухи, не знали, чѣмъ имъ заняться еще, и ныли:

— Господи, какъ долго тянется время! Когда-же они пріѣдутъ?

Но вотъ далеко-далеко раздался звукъ колокольчика. Всѣ вздрогнули.

— Ёдутъ! вскрикнулъ Боря.

— Ёдутъ! взвизгнула Соня.

Всѣ прислушались.

— Да нѣтъ! равнодушно сказалъ Иванъ Игнатьевичъ.— Это индюшата кричатъ!

Но Соню и Борю уже трудно было удержать на мѣстѣ. Они сбѣжали съ террасы, со всѣхъ ногъ бросились за ворота и помчались вдоль дороги къ лѣску, чтобы первыми встрѣтить своихъ гостей.

А колокольчикъ заливался все ближе и ближе и уже можно было разслышать, какъ вдалькѣ раздавался голосъ Данилы:

— Эй, вы милыя! Эй, голуби! Но-о!!

Заслышавъ его, собаки выскочили изъ своихъ будокъ и съ громкимъ лаемъ помчались вдоль дороги навстрѣчу тарантасу.

Послышалось, какъ колеса прогремѣли по мостику, какъ зафыркали лошади, почувавъ близкій отдыхъ, и какъ залепетали дѣтскіе голоса. Всѣ выбѣжали навстрѣчу пріѣзжимъ.

Тарантасъ съ громомъ подкатилъ къ террасѣ. Изъ него вышли Надежда Сергѣевна, Валя, Одея и спрыгнули Соня и Боря, которые влѣзли въ него по пути. Началось выгруживаніе ручного багажа.

— Ну, вотъ и мы! сказала На-

дежда Сергѣевна, въ первую минуту не зная, куда идти.

— Милости просимъ, милости просимъ! отвѣтилъ ей Григорій Петровичъ, горячо пожимая ей руку.— Давно уже васъ ожидаемъ! Обѣдъ на столѣ!

И всѣ гурьбою отправились во флигель. И пока Надежда Сергѣевна наскоро развязывала свои вещи, чтобы привести себя въ порядокъ съ дороги, дѣти уже мчались по парку и ихъ розовыя и голубыя кофточка мелькали между стволовъ.

Обѣдали въ большомъ домѣ всѣ вмѣстѣ. Дѣти на радостяхъ ничего не ѣли и говорили глупости. Праксковья не могла наглядѣться на нихъ, стояла у двери и, подперши щеку рукою, плакала отъ радости и причитала:

— И уродитъ-же Господь такихъ дѣтей!

Послѣ обѣда Надежда Сергѣевна отправилась къ себѣ во флигель.

— А вы безъ прислуги? обратился къ ней Григорій Петровичъ.

— Нѣтъ, съ прислугой! отвѣтила Надежда Сергѣевна.— Я привезла съ собою няню. Она ѣдетъ сейчасъ сюда въ телѣгѣ съ багажомъ! Вѣроятно, къ вечеру уже будетъ здѣсь...

И она принялась за устройство своего жилища.

Никто не обратилъ вниманія на эти ея слова и на то, кто была эта няня. А между тѣмъ няня-Агаша ѣхала шажкомъ въ телѣгѣ съ сундуками и, поджавши подъ себя ножки, озиралась по сторонамъ и думала:

— Куда я ѣду? Куда меня везутъ? И какія все чужія мѣста!

Проѣхавши пятнадцать верстъ, остановились на постояломъ дворѣ.

Скотникъ Яковъ распрягъ лошадь, кормилъ ее два часа и спалъ, а няня-Агаша сидѣла у воротъ, глядѣла съ грустью на чуждыя ей избы и синѣвшій за полемъ лѣсъ и прислушивалась къ громоуханью бубенчиковъ на головахъ у жевавшихъ сѣно лошадей. И невольно ей приходили въ голову картины Крыма и моря и передъ глазами вставалъ образъ Сони, которую она не видѣла уже цѣлый годъ и по которой тосковала ея душа, какъ тоскуетъ въ засуху земля по благодатномъ дождѣ:

— Гдѣ-то ты, моя Сонечка, теперь? вздохнула она.— Каково-то тебѣ, сиротчкѣ, на чужой сторонѣ?

Садилось солнцѣ, закричали воржи перепела и вдоль деревни потянулся возвратившійся съ поля скотъ. Запахло пылью и молокомъ, раздались мычаніе и блеяніе овецъ и громкое хлопанье бича пастуха. Вышелъ Яковъ, протеръ переспавшіе глаза и сталъ запрягать лошадь.

— Ну, старуха, сказалъ онъ,— садись! Пора ѣхать! Вечеромъ лучше... Не будутъ мухи кусать!

Она взобралась въ телегу, поджала подъ себя ножки и лошадка снова шагкомъ поплелась въ путь.

— Далеко еще? спросила Агаша.

— А кто-жъ его знаетъ? отвѣтилъ Яковъ и зѣвнулъ во весь ротъ.— Ежели лошадь не наморена, то верстъ еще двадцать будетъ, а если наморена, то наберутся и всѣ тридцать!

Нянѣ надоѣло уже ѣхать и скорѣе хотѣлось къ дому, къ своимъ, гдѣ можно было-бы не чувствовать себя такъ одиноко и хотя на минуту забыться въ трудѣ.

Спустилась ночь, потянулись отовсюду запахи, пахнуло изъ лѣса

сыростью и стала подниматься огромная, красная луна. Черезъ полчаса она поднимется выше и тогда станетъ свѣтлѣе и не будетъ такъ уныло и страшно ѣхать. Загудѣли жуки, забѣлѣлъ въ низинкахъ туманъ и закричали коростели—и все было для няни ново и чуждо и ей казалось, что она ѣдетъ куда-то въ дебри, къ недобрымъ людямъ, гдѣ ей будетъ нехорошо.

Но вотъ ужъ и усадьба. Свѣтитъ луна и длинныя тѣни тянутся черезъ весь дворъ. Лають собаки. Всѣ спятъ и кажется, что кругомъ—сонное царство. Яковъ подѣзжаетъ къ большому дому и соскакиваетъ съ телѣги.

— Тпруру!!... Приѣхали!

Няня слѣзаетъ съ телѣги и разминаетъ затекшія ноги. Яковъ сваливаетъ сундуки на землю и затѣмъ тихонько начинаетъ стучаться въ двери. По ту сторону слышатся шаги, раздается щелканье ключа и въ дверяхъ показывается со свѣчкой Прасковья.

— Здѣсь остановились Корниловы? спрашиваетъ Агаша.

— Иди, иди сюда! отвѣчаетъ ей Прасковья и, схвативъ ее за руку, почти насильно втаскиваетъ ее въ домъ.— Онѣ, во хлигерѣ! Чай теперь ужъ спятъ!.. Переночуй здѣсь у меня, а завтра явишься къ своей барынѣ. Сейчасъ я дамъ тебѣ поѣсть. Поди отошала сердешная, такъ, что и животы тебѣ всѣ подвело!

И она ввела ее въ столовую, усадила ее за столъ, поставила передъ ней ужинъ и стала ухаживать за нею, какъ родная дочь. Это растрогало няню, она разговорилась съ ней и скоро обѣ онѣ

сидѣли уже одна передъ другой и изливали души. Между ними горѣла печальная свѣча, освѣщала имъ лица и онѣ не слышали, какъ въ это время изъ сосѣдней комнаты въ корридоръ тихо отворилась дверь и какъ въ немъ показалась нѣжная, хрупкая фигура дѣвочки, въ одной сорочкѣ и босячкомъ кравшаяся къ столовой.

Въ этотъ вечеръ, набѣгавшись досыта съ Валею, Борей и Ѳедей, Соня рано ушла къ себѣ въ комнату и легла спать. Пріятная истома пролилась по ея тѣлу, когда она вытянула ноги, и укрылась простыней. Ей было жарко. Она бѣгала цѣлый день, пробѣжала, вѣроятно, цѣлые десятки верстъ, и теперь щеки у нея горѣли и ей казалось, что жаръ не кончится никогда. Но усталость скоро взяла свое, она повернулась лицомъ къ стѣнѣ и скоро все исчезло для нея въ набѣжавшемъ на глаза туманѣ.

Спать, спать, спать!

Она спала и образы минувшаго дня толпою проносились передъ нею; поля смѣнялись лѣсами, лѣса — берегами рѣки и пруда — и вдругъ все потонуло передъ ней въ пространствѣ и передъ ея очами заколыхалось голубое безбрежное море, по которому плылъ пароходъ, и она находилась на этомъ пароходѣ. Вдалекѣ синѣли горы и виднѣлись у ихъ подножія крымскія дачи и у одной изъ нихъ стояла ея няня, смотрѣла ей вслѣдъ и махала ей платкомъ.

— Няня, иди сюда! закричала ей Соня.

Няня побѣжала прямо по водѣ и догнала пароходъ.

— Труу! вдругъ крикнулъ ка-

питанъ голосомъ скотника Якова и пароходъ остановился.

Няня вошла въ него, откуда-то появилась Прасковья, взяла няню за руку и ввела въ сосѣдную комнату. И стали онѣ тихо разговаривать.

— Я здѣсь, няня, здѣсь! захотѣлось вдругъ крикнуть Сонѣ, но она не смогла.

Она сдѣлала надъ собой усиліе, хотѣла закричать во весь голосъ, но въ груди у нея сперло дыханіе и она проснулась.

Въ окошко глядѣла блѣдная, сѣверная ночь, слышно было, какъ пѣли соловьи и кричали лягушки, но въ то-же время изъ столовой доносились до Сони и звуки знакомаго дорогого голоса.

Кто это говоритъ? Боже мой, неужели это не сонъ?

Соня вскочила съ кровати и прислушалась. Сердце у нея забилося.

Да, это ея голосъ, это голосъ ея няни, которую она такъ пламенно ожидала, такъ безумно хотѣла видѣть!

Соня схватилась рукою за сердце и боясь и надѣясь и въ то-же время не вѣря своимъ ушамъ, тихонько подошла къ двери и прислушалась. Да, это она! Это голосъ ея няни!

И, крадучись, какъ воръ, Соня вошла голыми ножками въ корридоръ, тихо, какъ кошка, подошла къ двери столовой и вдругъ увидела ее! Все помутилось у нея въ глазахъ, комната завертѣлась вокругъ нея и съ радостнымъ визгомъ, она выскочила изъ своей засады и какъ безумная ринулась впередъ.

— Нянечка, няня, няня, няня!.. закричала она и слезы брызнули

у нея изъ глазъ.—Боже мой, няня!.. Господи! Няня!..

И обхвативши шею своей недоумѣвавшей и обезумѣвшей отъ восторга няни, она повисла на ней и продолжала кричать—одно только слово „няни“, а затѣмъ все замелькало у нея въ глазахъ, полъ выскользнулъ у нея изъ подъ ногъ и она лишилась чувствъ.

— Сонечка, Соня... лепетала няня.— Да очнись-же, голубушка!.. Что это съ тобою?

А слезы такъ и лились у нея изъ глазъ. Стоявшая около нихъ Прасковья рыдала въ три ручья и голосила такъ, что ее можно было слышать на дворѣ.

Няня бережно взяла Соню на руки, отнесла ее въ комнату и бережно уложила ее въ постель. Потомъ стала набожно креститься. Неужели это не сонъ? Неужели Богъ услышалъ ея молитвы и снова возвратилъ ее къ той, кого видѣть такъ алчно желала ея одинокая, истомившаяся душа?

Отъ радости не умираютъ. Соня открыла глаза и увидѣла передъ собою няню. Теперь онѣ могли наговориться всласть, излить свои души и наглядѣться одна на другую.

О, что это была за ночь! Выходило солнце, пробуждались птицы, на травѣ и листьяхъ блистали брилліанты росы и далеко мычаль скотъ и играла робкая пастушечья свирѣль. Сквозь открытое оконшко потянуло слегка дымкомъ отъ затопленныхъ на заднемъ дворѣ печей и вдругъ набѣжалъ вѣтерокъ и въ комнату хлынулъ аромат цвѣтовъ.

— Ты не уѣдешь больше няня? спрашивала Соня.—Ты останешься

здѣсь навсегда? Не правда-ли? Ты не оставишь меня одну?

Няня смотрѣла на нее и сознавала, что разлука уже болѣе не возможна, и что если-бы даже кто-нибудь и захотѣлъ теперь снова оторвать ее отъ Сони, то она легла-бы у ея ногъ и умерла-бы около нея, какъ вѣрная, преданная собака. И, вспомнивъ, какъ гдѣ-то она прочитала въ священномъ писаніи исторію Руѣи и Ноэмини, она бросилась къ Сонѣ, прижалась къ ея маленькому тѣльцу и, какъ Руѣя, сказала:

— Въ богатствѣ, въ бѣдности, въ счастѣ, въ несчастѣ, въ болѣзни, въ здоровѣ,—пока не разлучить насъ смерть. Твоя вѣра будетъ моею вѣрой и—тамъ, гдѣ будешь жить ты, проживу до самой смерти и я!

— Значить, ты не уѣдешь отсюда? Ты останешься здѣсь со мной?

Няня пытливо поглядѣла на нее и задала ей вопросъ:

— А развѣ ты навсегда останешься здѣсь, на чужбинѣ?

— На чужбинѣ? засмѣялась Соня.—Да развѣ родина можетъ быть чужбиной?

И обѣ снова принялись за разговоръ.

Что было потомъ?.. Да развѣ нужно рассказывать, что было еще потомъ? Всѣ прожили лѣто дружно и весело, въ августѣ переѣхали въ городъ и дѣти начали посѣщать гимназію. Корниловы поселились въ домѣ у Григорія Петровича и всѣ жили, какъ одна семья. Когда уѣзжали изъ усадьбы, то Прасковья насильно влѣзла въ тарантасъ и сказала, что не разстанется съ дѣтьми никогда. Всю до-

рогу она причитала и не могла оторвать отъ Сони глазъ.

— И уродить-же Господь такое дите!—говорила она.—Ахъ, ты мой ангелъ архангельскій! Кокоренька ты моя! И все она! Погляди-ка, сколько собрала вокругъ себя людей!

И дѣйствительно, въ городъ поѣхало нѣсколько подводъ.

Впрочемъ, о дальнѣйшей жизни моихъ героевъ можно было-бы написать еще цѣлый длинный-предлинный рассказъ. Боюсь, что я утомилъ уже читателей и ставлю точку.

—скій.

— К О Н Е Ц Ъ . —

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Изъ нижеслѣдующихъ словъ составить начало извѣстнаго стихотворенія Пушкина:

Мут, ночь, на, ле, ту, мут, мчат,
не, лу, снѣгъ, ся, чи, бо, ща, ви,
ту, дим, ся, выют, но, кою, ту, не,
чи, на, освѣ, чій, етъ.

II.

Польскій панъ купилъ въ магазинѣ для занавѣсокъ тюль, на которомъ были вытканы цвѣты; названіе этихъ цвѣтовъ можно составить изъ двухъ словъ, входящихъ въ эту головоломку.

Какіе это цвѣты?

Рѣшенія головоломокъ и ребуса № 4, помѣщенныхъ въ № 6 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. Крикъ, Старина, Уста, Татаринъ, Картина. Задуманное слово—кустарникъ.

II. Чай, рука. Задуманное слово—Чайка.

III. Корова, Орель, Шарада, Клюква, Акула = Кошка.

IV. Село, поле, вата, сова, соль. Названіе дерева—тополь, середина слова—сто, задуманное слово—Севастополь.

V. Колоколь.

VI. Чайирука. Задумано—Чайка.

Шуточные вопросы.

I.

Три теленка—сколько ногъ?

II.

Кошка прожила два года, что съ ней случилось?

(предложилъ Георгій Зотовъ).

III.

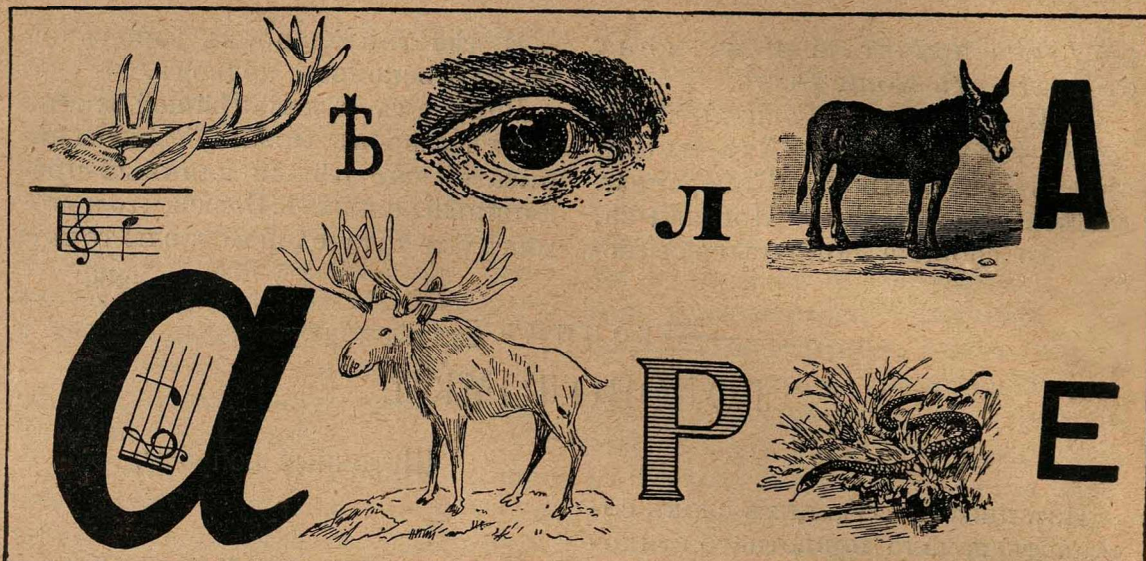
Почему туманъ спускается осенью на землю?

IV.

Зачѣмъ вырастаетъ крапива, когда ее не сѣютъ?

Ребусъ № 4: Ве + село + л + ивы + про въ ели + п + разъ + дни + ки = Весело ли вы провели праздники?

Вѣрные рѣшенія прислали: Шура Берберовъ, Наточка Будзиловичъ изъ Томска, Женя Стрекоза, Котя Ивановъ. Берта Кецельманъ-гимназистка и Яковъ Кецельманъ-будущій гимназистъ изъ Ростова на Дону, Вѣра и Лена Серебренниковы, Володя и Ника Муравьевы, Сережа Тушканчикъ, въ СПБ., Боря Долгинъ, Надя Кваснина, Саша и Миша Никитины изъ Уфы, Костя Строгановъ, Вѣрочка Уткина, Лиза Гладченко, Галина Гладченко, Лена Ратькова, кто-то, не подписавшій своей фамилии на маленькомъ розовомъ листкѣ бумаги, Нина Войцеховская изъ Волын. губ., Боря Верейбинъ, Боря Дзѣвановскій изъ Вороновицы Подол. губ.,

(Фамилии подписчиковъ, приславшихъ вѣрныя рѣшенія ребуса и головоломокъ или даже хотя-бы одной изъ нихъ, будутъ напечатаны).

Маруся Соколовская изъ Екатеринодара, Настя Иванова, Валя Ростовская, Оля Катериничъ изъ Кіева, Коля Виноградовъ изъ Москвы, Зина Сапожкова изъ Каменца — Подольска, Шура Куркинъ, Олюся Богатырева изъ Барнаула, Федя Панинъ, Катя Плотникова изъ с. Юрьева, Оля Новоселова изъ Москвы, Маня, Гутя, Люся Клёковы въ СПБ., Леля Васильева со ст. Пинскъ, Нечочка Чужбинова, Соня Бронфманъ, Алеша Смирновъ, Надежда Москалева, Вѣрочка Вагнеръ, „Золотая Дѣтка“, Витя Быстрицкій изъ Царицина Саратов., Корикъ Синельниковъ въ Павлоградѣ, Аня и Шура Радченко, Надя Кравцова, Саня и Оля Крамаревскіе, Ваня Морозовъ, Луканя Ткаченко изъ Волчанска, Петя Авдѣевъ, Тоня Бугримовъ изъ Казачьей Лопани, Ваня Пилипенко изъ Ростова на Дону, Вова Блюмъ изъ Велижа, Аня Борисоглѣбская изъ Серпухова, Леночка Михайловская изъ Люблина, Саша Сивокинъ, Шурочка Сѣдлецкая, Кирилъ Рязанскій, Андрюша Федотовъ-донской казачокъ изъ Щучина, Варя Кузнецова изъ Харькова, Петруша Козловъ, Лиза Богдановичъ, Ида, Регина и Яша Шабадъ изъ Вильны, Алеша Лихолетъ изъ Харькова, Оля Енакіева въ СПБ., Павлуша Соколовъ изъ Тамбова, Володя и Шура Юрдан-

скіе, Женя Типферъ въ СПБ., Шура и Нина Проскураковы изъ Вологды, Маруся Калинина, Женни Мартинсонъ въ СПБ. Александра Шелехова въ СПБ., Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Маруся Суражкевичъ въ СПБ., Кока Нарбутъ, Лева Вѣльскій, Нина } Трояновичъ-Шютровская въ СПБ., Лида и Дима Могилянскіе Муся и Володя Визи въ СПБ., Надя, Митя и Валя Соколовы въ СПБ., Федя Курляндскій въ СПБ., Котикъ Богдановскій, Маня Кессель изъ Харькова, Володя и Вася Смирновы изъ Варшавы, Таля Безирганова изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, Конрадъ Черноцкій въ Суйдѣ, Вася Быковъ, Георгій Зотовъ, Нина Ерченко изъ Кіева, Соня, Федя и Коля Климиъ, Сережа Лисенко изъ Елизаветполя, Олюся Богатырева изъ Барнаула. Лилия и Витя Даниловы изъ Вильно, Соня Азарьева изъ Кіева, Кока, Леня и Вова Тервинскіе, Володя Милицинъ, Женя Жданова, Нюся Милоцкая, Ирина Татищева изъ Ярославля, Володя Ершовъ изъ Удѣльной, А. Г. Ф. изъ Лонцка, Галя Ротмистрова изъ Житомира, Соня Хламова изъ Шадринска, Коля Донецъ изъ Ташкента, Тая и Шура Горлачевы, Раиса Головашкина изъ Тифлиса, Шура Мурзина со ст. Лозовой, кадетъ Миша Побѣдимовъ изъ Ст. Петергофа.

Полный комплектъ журнала «Золотое Дѣтство» за прошлый годъ, со всѣми приложеніями—въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ—по 3 р. 65 коп., безъ переплета—по 3 р. Отдѣльно крышки для переплета—45 коп. За пересылку по разстоянію.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 годъ НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшіи годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоревомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. Отдѣльно крышки для переплета—по 45 копѣекъ (съ пересылкою по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

